

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

ОСКАЛ ФОРТУНЫ

ЭКСМО

Миры Доставки

Юрий Иванович
Оскал фортуны

«ЭКСМО»

2009

Иванович Ю.

Оскал фортуны / Ю. Иванович — «Эксмо», 2009 — (Миры Доставки)

ISBN 978-5-699-69981-0

Империя Сангремар жила своей обычной, можно сказать, будничной жизнью. Завоевывала соседние государства, уничтожала королей и угоняла в рабство их подданных. Все шло своим чередом, пока на планету, где творились эти безобразия, в буквальном смысле не свалился Виктор Палцени – галактический турист и баловень Фортуны. Воспитанный в уютном мире высокоразвитой цивилизации, Виктор не верит в магию, презирает тиранов и ненавидит рабство. Он готов, не щадя сил, сражаться с несправедливостью. Есть только одна проблема – в мире, погрязшем в средневековой дикости, улыбка Фортуны порой напоминает зловещий оскал...

ISBN 978-5-699-69981-0

© Иванович Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	25
Глава четвёртая	29
Глава пятая	34
Глава шестая	49
Глава седьмая	53
Глава восьмая	57
Глава девятая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юрий Иванович Оскал фортуны

© Иванович Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

При торможении спасательной капсулы вжало в сиденье так, что у человека потемнело в глазах, а из носа побежала кровь. Но самый страшный удар по атмосфере капсула выдержала. Через две минуты она раскалилась до серебристого цвета и, разорвавшись на две половинки, улетела, догорая, в стороны. Зато теперь из ранца выскочило длинное полотнище тормозного парашюта, а в лёгкие, даже сквозь маску шлема, ворвался морозный, но от этого словно пропитанный свежим хвойным ароматом воздух. Погасив излишнюю скорость, трепещущая ткань отстрелилась, раскрылся купол основного парашюта, и с той самой минуты человек стал оглядываться по сторонам со всем возможным в его положении вниманием. При этом мысли у него в голове крутились самые что ни на есть оптимистические:

«Ха-ха! Жив, протуберанец мне в парус! И целёхонек! Вот повезло, так повезло! Недаром я всю жизнь хвастался, что удача ходит за мной по пятам. Вон, какую планетку подбросила: даже море видно! А внизу вообще красотища: белые горы и зелёные снега. О! А это кто? – Человек недоумённым взглядом проводил огромный парашют, который вместе с вместительным контейнером сносило прямо к заснеженному хребту. – Ха! Так ведь это же мой аварийный запас! Как здорово, что он мне не понадобится. Хотя, с другой стороны, пожить на такой девственной планете хоть один-единственный денёчек всегда мечтал. Но разве эти спасатели дадут поиграть в Робинзона? Они за такими, как я, и в чёрную дыру готовы помчаться, лишь бы премию получить. С одной стороны, хорошо, у меня ни одного дня отпуска не пропадёт, но с другой стороны – никакой романтики. Или, может, попытаться от них спрятаться? А потом сказать, что заблудился? Хм! А ведь интересная мысль!...»

Чем ниже спускался потерпевший кораблекрушение человек, тем глубже казались тени среди горных вершин. И тем быстрее зелёные деревья превращались в невиданных, исполинских великанов.

Глава первая

Огонь на себя

«Книги врут! Будь прокляты все эти драные писаки! Всю жизнь только и читаешь: знание – сила! В будущем – все умные! Герой из будущего, находясь в дикой стране, – всегда победитель! Все его слушаются и восторгаются мудрыми поступками! Тьфу ты! Абсурд какой! Этих бы писателей, да на моё место! Всё! Хватит! Лучше уж издохнуть, чем безмолвно копать в этой мерзкой пыли!» – Виктор с отвращением отбросил от себя тяжёлую и несуразную мотыгу и решительным шагом отправился к ближайшему надсмотрщику. Тот его сразу заметил. Двинулся навстречу, одновременно замахаясь плёткой.

– Работать! Быстро! – Уж эти-то слова из жуткой речи местных рабовладельцев пленник понимал. Да с трудом мог вымолвить несколько слов сам:

– Хозяин! Мне нужен хозяин!

Целый месяц он ждал встречи с кем угодно из правящей верхушки. Вполне резонно считывая, что и без знания языка он сможет восхитить своими несомненными познаниями любого мало-мальски грамотного человека. Но с первого дня никого, кроме жестоких и тупых надсмотрщиков, видеть не доводилось. А при попытках найти общий язык с себе подобными Виктор наталкивался на неприкрытые враждебные взгляды. Чужака отторгали все: и охрана, и ему подобные. С момента доставки на эту плантацию Виктора каждый вечер вталкивали в мрачное здание каменного барака. Запирая там с такими же обездоленными, измождёнными, как он, рабами. Рабами, не имеющими права и слова сказать в свою защиту, лишь изредка скотским мычанием показывающими своё недовольство. Мало того, большинство несчастных говорило на других языках, что добавляло большей трудности как во взаимопонимании, так и в общении с охраной.

Утром огромные, без единой щели ворота барака открывались со страшным скрипом. Рабов выгоняли пинками и древками копий под начинающее светлеть небо, строили в шеренгу, выдавали по полбуханки серого хлеба и заставляли бежать к очередному полю. Надсмотрщики скакали на лошадях. Мотыги и прочий инструмент везли сзади на телеге. Каждому или нескольким рабам ставилась задача жёсткими плётками, и начинался адский день работы. Когда солнце достигало зенита, рабы сбегались к телеге, привёзшей воду и обед. Полтора литра жидкой, неприятно пахнувшей тёплой баланды и очередные полбуханки. На этом разнообразие дневного меню и заканчивалось. Да ещё всю ночь можно было пить воду. Она непрерывающейся струёй стекала из трубы в одном из углов барака и сливалась в отхожее место, расположенное под ней. Хочешь – пей, хочешь – душ принимай, хочешь – смывай нечистоты в три узкие дырки между каменных плит пола. Но в полнейшей, непроглядной темноте. Ориентируясь только на звук и на осязание. Электричеством здесь и не пахло.

Именно по воде и примитивно действующей канализации Виктор и предположил, что цивилизация на этой планете кое-какая, но существует. Труба, правда, была свинцовая, но без инженерной мысли провести воду издалека вряд ли возможно. А ведь рядом с бараком не было ни гор, ни высоких холмов, откуда вода смогла бы поступать самотёком. Лишь бескрайние поля, перемежающиеся невысокими посадками деревьев да несколькими каналами для орошения.

А вот далеко на севере простиралась тёмная гряда гор. Видимо, там его и пленили, оглушили и с пыльным мешком на голове доставили на эту гиблую плантацию. В первые дни он надеялся на предстоящий выходной. Наивно предполагая, что рабам положен отдых в конце недели. Но весь отдых вылился через три дня в пошлую смену команды надсмотрщиков. Да смену тусклых, пропылённых мундиров на более яркие. От чего стало только хуже. Ибо ста-

рые садисты измотались вконец и уже не так резво размахивали плётками. Да и выглядели они более покладистыми. А вот новые злились как звери. Очевидно, работа на этой плантации считалась для них наказанием. Среди них тоже не нашлось ни одного человека, заинтересовавшегося рисунками и цифрами, которые Виктор спешно пытался нарисовать на земле чуть ли не пальцами. Тут же раздавался грозный рык, свистели кожаные концы плётки, и спину умничающего «художника» украшала новая красная полоска. Прикрываться было нечем, каждого раба украшала лишь набедренная повязка.

Даже с командиром новой стражи не удавалось сблизиться на короткое расстояние. Высокий и угловато-нескладный офицер за последние недели только и показался пару раз в пределах видимости, проводя всё остальное время в недалеко расположенном крестьянском доме.

Тогда Виктор решил дождаться кого-то из хозяев здешней жизни. На худой конец управляющего, агронома или просто бригадира. Оказалось, и таковых здесь не бывает. Работы распределялись самими надсмотрщиками, очевидно выросшими на здешних угодьях и не сомневающимися в своих познаниях агрикультуры.

А условия ухудшались с каждым днём. Работать заставляли в изматывающем темпе. Так, словно начиналась уборочная страда. Хотя, по мнению даже дилетанта, она закончилась только недавно. При таком физическом напряжении от истощения не спасала даже добавка в виде сухой круглой лепёшки. Этот весьма вкусный и питательный продукт получал каждый раб перед входом в барак поздним вечером.

Количество отупевших людей почти не менялось. За весь месяц после его прибытия доставили лишь пятерых. Трёх женщин и двух мужчин. Насколько он понял по остающимся иногда неподвижно с утра телам, четверо за то же время распростились с жизнью. То ли от скотских условий, то ли от не менее скотского отношения сожителей по бараку. Ведь то, что творилось ночью, из-за одних только звуков вызывало омерзение. А в последнюю неделю шестеро особо свирепых и сильных рабов сформировали своё внутреннее государство. Они пользовались одним языком и действовали сообща. Сразу же после закрытия ворот они насильно отбирали лепёшки у товарищей по несчастью, а тех, кто успевал проглотить хоть небольшую часть, жестоко избивали. Досталось весьма крепко и Виктору. Он даже сопротивляться не стал. Хотя каждого по отдельности мог и убить, потому что знал вполне достаточное количество приёмов защиты и нападения. Но с группой одному не справиться. В следующие вечера лепёшка отдавалась безропотно. Да и не только Виктором. А уж на тех несчастных созданий женского пола, которыми шестеро ублюдков забавлялись ночью, вообще стало страшно смотреть.

Оставалось только одно: любыми средствами добраться до хозяев здешних земель. И доказать им свою незаменимость. Или... умереть!

Умирать не хотелось. Но и страха не было. Злость только! Очень сильная злость и ярость!

И когда плётка надсмотрщика опустилась ему на голову и стала подниматься для следующего удара, Виктор ударил сам. Со всей силы. Ногой. Прямо в живот более крупного, чем он, мужчины. Дыхание у того сбилось, но несомненная выучка сказала. Чуть ли не падая от недостатка воздуха, он моментально выхватил меч. И стал вяло, с трудом отмахиваться от наступающего на него раба. Отходя сильно вправо. Чем и отвлёк взбунтовавшегося Виктора от своего товарища. А тот очень тихо, но быстро подбежал сзади и обрушил на глупую голову весьма внушительную дубинку. Виктор с рёвом повернулся и даже успел нанести сильный хук справа в челюсть нового противника. Но и только. Опять-таки по голове, получив ещё один удар сзади. Плоской стороной меча.

А дальше его стали бить. Очень долго. Чем попало. В затуманенном сознании только и проскользнуло: все прибежали! Данное воинское подразделение, по всей видимости, сформировалось давно, и поэтому каждый из них страшно возмутился дерзким поведением раба, его попыткой нанести увечья их боевым побратимам. Скорей всего именно это его и спасло: желающих попинать ногами стало так много, что они мешали друг другу. И тратили силы и

злость на то, чтобы подобраться к жертве. Надсмотрщиков разогнал по местам лишь грозный окрик их командира, который по невероятной случайности оказался в данный момент именно на этом участке полевых работ.

Истерзанное побоями тело, в назидание другим, оставили в окровавленной пыли. И очнулся Виктор только вечером, когда его швырнули на телегу с инструментами. Тогда-то он и зашевелился от захлестнувшей волны боли. Чем весьма удивил всех. Но в барак его всё-таки занесли и закрыли, как всегда. Вполне справедливо не дав лепёшку. Но её никто и не требовал. Соседи по бараку решили, что Виктору осталась пара часов жизни. И даже воды ему не принесли...

А утром пришла расплата! Нет, не для надсмотрщиков. А для тех, кто за месяц так и не смог найти общий язык между себе подобных. Тех, кто не желал хоть чем-то помочь своему ближнему. Для рабов!

Ворота открыли на час позже. Но не надсмотрщики. Те скопом стояли возле своей небольшой казармы, во главе со своим насупившимся высокорослым офицером, и выглядели безучастными зрителями. Командовали построением рабов люди, укутанные в кожаные доспехи. Они сильно выделялись весьма мощной статью, резким гортанным выговором и непеносимым даже для рабов кисло-затхлым запахом. Да ещё и особенными шлемами: островерхими и со свисающими с них на спину чуть ли не до пояса пышными султанами какой-то травы.

С хозяйской последовательностью они осмотрели всех рабов, рассортировали по группам и наложили на руки каждого некое подобие наручников. Но не стальные, а из весьма прочного, цвета спелой вишни дерева. Каждую группу соединили длинным канатом, продетым сквозь наручники. И только после этого выдали, как обычно, полбуханки хлеба.

Виктор всё это время так и просидел в бараке, возле самых ворот, и сквозь щёлочки распухших глаз разглядывая происходящее во дворе. С самого начала и его пытались поднять ногами, пиками копий, плётками и даже руками. Но, рассмотрев запёкшуюся кровь по всему телу и болтающиеся, словно у куклы, конечности, оставили в покое. Один из «вонючих», как мысленно окрестил их для себя Виктор, гаркнул что-то укоризненное в сторону надсмотрщиков. Но те в ответ только безразлично пожали плечами. А как Виктор страстно хотел уйти из этого барака! Пусть даже с «вонючими»! Лишь бы вырваться из этого пекла!

Но не мог вымолвить единого слова. Не мог сделать просительного жеста. А ссохшееся горло не могло исторгнуть даже хрипа. Пришло жуткое осознание, что умирать он будет здесь. Разум затмило горькое осознание, что удача окончательно отвернулась от избитого раба, не давая ему и тысячной доли шанса на выживание.

И как ни странно, но в тот момент, когда колонны рабов тронулись, группами привязанные к лошадям, некоторые несчастные оглянулись и посмотрели на Виктора со звериной ненавистью, злостью и... завистью. От этих взглядов что-то в его груди оборвалось, в сознании лопнула некая струна предвидения, и он... вздохнул с облегчением. В каком-то призрачном сиянии ему вдруг привиделось прекрасное лицо выдуманной фортуны, на котором вместо улыбки кривился жуткий оскал: «Ты ещё поживёшь!..»

И уже без удивления наблюдал, как заматались воины-надсмотрщики, собирая свои пожитки и приторачивая свёртки, сумы, баулы на спину основных и пристяжных лошадей. Как они все до единого радостно вскочили в сёдла и понеслись в другую сторону: к горам. Никого не оставив возле барака и совершенно позабыв про умирающего раба.

Какое-то время Виктор мысленно смеялся над предоставленной ему полной свободой. Но поднявшееся солнце напозло жгучими лучами на его измочаленное побоями тело и моментально вскипятило отбитые внутренности. Согласия умирать на такой жаре у него не возникло. Скорей появились возражения: попробовал переползти в тень. Но даже на четвереньки встать не удалось. Тогда он просто стал перекатываться с боку на бок. И через какое-то время услышал шум воды. И дальше продолжил катиться на этот звук. Все его бросили! Но свинцовую

трубу не забрали! Бегущая из неё прохладная вода могла подарить надежду или хотя бы более лёгкий конец.

Его нашли только на следующий день. Постоянно живущие в этих местах крестьяне вернулись на свои поля с семьями, пожитками и нехитрым скарбом. И принялись наводить порядок в помещении, которое они два года опять будут использовать для вполне естественных сельскохозяйственных нужд. Хотели просто закопать найденное посреди сарая тело, так и не добравшееся до воды. Уже и в яму, для этого наспех вырытую, столкнуть собрались, но одна из женщин на всякий случай приложила ухо к груди и с удивлением воскликнула:

– Да ведь он живой!

Неделю Виктор пробыл в тяжёлом, бессознательном состоянии. Ещё неделя прошла в титанических усилиях вначале вспомнить, а затем и осознать всё с ним происшедшее. Осознать себя как личность и привести вернувшиеся воспоминания, здоровые мысли к приемлемой, синхронизированной норме.

В начале третьей недели он смог говорить. И первое, что ему удалось втолковать постоянно за ним присматривающим детям, что он хочет понять местный язык. Для мальчика лет восьми и девочки лет десяти стать учителями не составило особого труда. И они наперебой стали учить чудом избежавшего смерти человека всему, что знали сами. Утром и вечером появлялись взрослые. Осматривали заживающие раны на теле Виктора, удовлетворённо кивали головами и поощрительно улыбались. Не прислушиваясь к словам больного и игнорируя его попытки с ними поговорить, проверяя своё знание языка. И только когда Виктор смог выходить на двор к концу первого месяца своего лечения, он понял, почему взрослые не особо им интересовались. Они работали почти так же тяжело, как и рабы. Целыми днями. Но зато считались свободными. Да и одевались, питались несравненно лучше.

Но! Вся их жизнь, за редким исключением, – только труд, работа в поте лица и никакой особой радости. А уж тем более развлечений.

И Виктор возблагодарил небо за бесхитростную доброту этих крестьян. За то, что они его выходили, выкормили и не дали умереть.

Ещё через две недели он уже пытался помогать по хозяйству по мере своих возможностей. Что было встречено весьма благосклонно. И каждую секунду старался находиться хоть с кем-то рядом. В первую очередь из-за общения и обучения языку. Очень скоро знания детей, его постоянных спутников и опекунов, истощились, и он стал сопровождать взрослых. Крутился на кухне, помогал при мелких починках. Чуть позже стал сопровождать в поле и там оказывать посильную помощь. К сожалению, кость на правой руке после перелома срослась неправильно, и он мог ею орудовать только в треть прежних возможностей. С трудом удерживая даже уголёк, употребляемый для собственных записей. Очень удивился, когда узнал, что письменность как таковая отсутствует почти полностью. Лишь в городах имелись предметы, напоминающие не то книги, не то цветные картинки. Счёт велся ладонями, а для того, чтобы изобразить число «двадцать», рисовали кружок, внутри точки – глаза, точку – нос и чёрточку – рот. Что обозначало – человек, у которого в сумме двадцать пальцев. Число «сто» обозначалось пятью несуразными рожицами.

Но и без записей местной грамоты Виктор обучался невероятно быстро. И к концу третьего месяца понял очень многое. И самое главное: что он свободен! После страшного и жестокого месяца рабства он волен распоряжаться собой как хочет! Хоть и за питание здесь тоже положено расплачиваться. А про рабов он услышал страшную и постыдную правду.

Королевство, в котором они находятся, платит дань другому, очень сильному и воинственному государству. Раз в два года «вонючие» воины, зовущие себя не иначе как Львы Пустыни, приходят огромными караванами и собирают полагающиеся налоги. В том числе и

обязательное количество рабов. И уводят живой налог за собой. В свою империю, которая зовётся Сангремар. И ни один раб никогда оттуда не вернулся. Поэтому уже многие годы здешний король практикует передачу этих самых рабов с территории сельскохозяйственных угодий, расположенных наиболее близко к морскому побережью. Но не отдаёт местных жителей, а вылавливает заранее в пограничных зонах, в дальних горах и диких лесах беглых преступников, врагов короны и прочих, кто только попадётся под руку. Новых рабов на месяц размещают в таких пунктах, как этот, и ждут сборщиков податей. Крестьяне же в этот момент устраивают себе долгожданный отпуск. Едут в города, продают и покупают товары, а то и просто посещают родственников. А приготовленных для дани рабов охраняют военизированные подразделения ополчения или королевское войско. По мнению короля, лучше уж наловить и отдать чужих людей вкупе с преступниками, чем обескровливать собственный народ. Львы Пустыни никогда не перебирали живым товаром. Лишь бы сходилось количество, которое они получали от королевства. Им было всё равно: женщины это или мужчины. Лишь бы не дети. Даже подозрительно молодых они почему-то отвергали. Львы Пустыни обращались с рабами очень хорошо. Сравнительно! Несчастных хорошо кормили: так же, как самих себя. Не утомляли напрасными побоями. Оказывали медицинскую помощь в пути. В каждой связке рабов шли подобранные по полу и силе люди. И если самая слабая связка отставала, то её передавали тем сборщикам налогов, которые двигались сзади по побережью. Случаев побега никто не помнил. Случаев смерти практически тоже не было. Вот только никто не знал самой страшной тайны: что случалось с рабами, когда они достигали сердца империи Сангремар. Досушие вымыслы и страшные догадки постоянно будоражили всех обитателей королевства, но истинной правды никто не ведал.

Но самое главное, при существующей замене рабов все оставались довольны. И горожане с крестьянами, и король, и «вонючие» завоеватели.

Осознав политическую обстановку, Виктор непроизвольно проникся симпатией к неизвестному королю. И пересмотрел свои планы, по которым он хотел вначале надолго закрепиться в близлежащем городе. После взвешенных рассуждений принял решение пробиваться сразу к первому человеку в государстве. Как это сделать – не мог и представить, но на месте что-нибудь всегда можно придумать. Главное – добраться в столицу.

С принятием такого решения пропала, а вернее, почти умерла ненависть к надсмотрщикам, принесшим ему так много боли. Даже появлялась на лице некая улыбка при воспоминании о групповом избиении. Если бы не оно...

И в начале четвёртого месяца, если считать с момента чудесного воскрешения после побоев, Виктор отправился по дороге, ведущей к западу.

Весь месяц нелёгкого и полуголодного пути он провёл, выясняя два актуальных аспекта местного бытия: что из себя представляет данное королевство и что он может предложить полезного из инопланетного образования. Используя для пополнения своих знаний любую остановку или пристраиваясь к любому общительному попутчику. И сделал два очень важных вывода. Первый вывод: королевство Чагар – это нищая, почти дикая и аграрная страна, находящаяся на уровне развитого рабовладельческого строя. Ни о какой промышленности, правильной добыче полезных ископаемых, а уж тем более высоких технологиях производства здесь и не догадываются.

И второй вывод: пожалуй, самый печальный и пессимистический. Помочь лично данному королевству Виктор не сможет ничем. НИЧЕМ! Ведь все свои десять лет трудовой деятельности он провёл на маленькой, непримечательной планете созвездия Жёлтых Туманностей. Работая простым сварщиком блочных конструкций для строительства жилых модулей. Даже не сварщиком, а контролёром на полностью автоматизированном потоке. Обращаться с ультрасовременной электросваркой он, конечно, умел превосходно. Иногда приходилось устра-

нять небольшие огрехи в железных арматурных конструкциях. Но и только! Даже газосваркой никогда не интересовался. А уж из чего состоят роботы, как добывать обычную электроэнергию или как создать простенький радиопередатчик – даже не догадывался. Все десять лет он занимался одним и тем же. Работал четыре часа в день, имея три выходных в неделю при скользящем графике. А свободное время только на то и тратил, что общался по общегалактической связи с многочисленными подружками, друзьями и просто знакомыми. Заодно обсуждая проблему: где лучше провести очередной месяц отпуска (из положенных трёх в году) и использовать достоинства или недостатки новых виртуальных игр.

Единственным его страстным увлечением являлся дельтапланеризм, и в этом деле Виктор считался настоящим асом. Как в знании технических данных, материальной части, так и в умении парить, летать и блаженствовать в потоках восходящего воздуха. Но если и появится возможность создания самого простого устройства, то какой толк от дельтаплана в средневековье?

Если бы он хоть немного больше учился, штудировал геологию и свойства металлов, досконально изучал химию и простые физические законы... А так и похвастаться было нечем даже перед самим собой. Иногда, правда, после отпусков, возникали похвальные мысли продолжить учёбу: стать инженером, аспирантом, а то и академиком. Но роились они в голове всегда недолго. До очередных соревнований или показательных выступлений на дельтаплане. Или до очередной подготовки к приближающемуся отпуску.

Ведь к любому отпуску следовало относиться со всей серьёзностью и солидностью.

В последний раз любящий комфорт путешественник выбрал поездку на искусственно облагороженную планету с Хрустальными озёрами. Поездку – замечательно разрекламированную напористым агентом из рядом расположенного бюро путешествий. Выбрал и поплатился: его индивидуальный челнок-игла столкнулся с чем-то загадочным в подпространстве, со взрывом ворвался в нормальное измерение и распался на атомы, гася энергию перехода. Спасательную капсулу с замершим от ужаса Виктором метнуло через пространство к ближайшей пригодной планете. Хоть в этом погибающий машинный мозг челнока не подвёл: человека спас. А вот дальше – ещё хуже. Хоть сигнал бедствия возле планеты в обязательном порядке и пошёл в вакуумный эфир, но помощь так и не пришла. Стенки капсулы сгорели при входе в атмосферу, аварийный запас продуктов и вещей первой необходимости снесло сильным ветром в гористую, заснеженную даль, а сам спасённый повис на стропах парашюта на гигантском дереве. Откуда с немалыми трудами смог спуститься только поздним вечером. Промёрзнув всю ночь под открытым небом, он утром отправился на поиски хоть какого-то жилья и уже к обеду был коварно оглушён кем-то из бойцов королевского отряда егерей, отлавливающих рабов и беглых преступников.

И по прошествии пяти месяцев, глядя на открывшуюся перед его взором столицу Чагара Радовену, Виктор с горечью осознал, что в начальные школьные годы получил гораздо больше знаний, чем во взрослой, сознательной жизни. И к двадцативосьмилетнему возрасту остался полным бараном во всех мыслимых и немыслимых науках. Не сильно-то отличаясь от местных крестьян. Из своих знаний он ничем не мог воспользоваться... Почти. Ибо кое-что на стенках памяти всё же накопилось и умудрилось не выветриться. Мало, почти ничего... Но если напрячься? Да с нормальной помощью?

Он стоял на пологом берегу обмелевшей от наступившей засухи реки и некоторое время любовался раскинувшимися на склонах гор столичными кварталами. Некоторые улицы Радовены сбегали до самой воды, но дома на них принадлежали скорее всего беднейшим жителям. Потому что очень смахивали на временные трущобы. Выше всех городских построек виднелась величественная, но явно недостроенная крепость. А за её стенами дворец из белого камня: не такой большой, как представлялось издали, но трогательно уютный, особенно в обрамлении широко раскинувшегося парка и парочки участков нетронутой лесной чащи.

Глава вторая

Основы пессимизма

Король Гром Восьмой сидел мрачный как туча и злой как гроза. Если бы не присутствие его спокойной, рассудительной и добрейшей матери, он наверняка жестоко наказал бы посла за то, что тот не справился с возложенной на него задачей. Скорей всего лично. Здесь же, возле собственного трона. Но женская рука бережно прикоснулась к его плечу и остановила готовую разразиться бурю:

– Очень важные новости, очень! Тебе только осталось принять по их следам правильные решения.

Гром прикрыл глаза и посидел некоторое время без движения. Успокаиваясь и восстанавливая сдавленное бешенством дыхание. Затем отпустил рукоять меча и вновь взглянул на склонённую к его ногам голову посла.

– Иди, жди моего решения!

– Слушаюсь, ваше величество! – Одетый в роскошные одежды вельможа вздрогнул и, пятясь задом, поспешно покинул Малый тронный зал. Вполне резонно радуясь данной ему второй жизни. С его уходом гнев не покинул короля окончательно:

– Первое решение – самое верное! Отрубить недоумку голову! Другие шевелить мозгами лучше будут!

– А много ли других согласилось быть на его месте? – Мать короля сделала пару шагов в сторону и устало присела на широкую лавку. – Ведь ты сам выбирал наиболее толкового и умного! Вспомнил? И сделал он немало...

– Да он вообще ничего не сделал!

– Не горячись. Ведь ты побоялся послать его от своего имени. Значит, барон Эдмонд тоже мог перестраховаться. Опасаясь провокации со стороны неизвестной ему группы противников твоего правления. Он понимает, что при резкой смене власти в нашем королевстве наступит ещё больший упадок. И зачем тогда с сепаратистами заключать тайный союз? К тому же он всегда высказывал на словах тебе явную симпатию. Вот и имеем прекрасный повод узнать его истинное лицо. Если он сообщит нам о готовящемся на тебя покушении, можно будет ему доверять больше.

– Но ведь он может также обо всем сообщить императору Гранлео! Ещё раз перестраховываясь!

– Вряд ли, – усмехнулась мать. – Барон ненавидит Великого Льва так же сильно, как и ты. А если он всё же это сделает, мы имеем достаточно шансов для перехвата послания. И тогда вариант с его устранением войдёт в завершающую стадию.

– Не хочу я его смерти! – воскликнул король. Покинув свой трон, он стал нервно расхаживать рядом. – Нутром чувствую, что мы с ним можем и просто обязаны договориться!

– Но если он ставленник империи Сангремар, надо его свергать!

– Конечно! – согласился Гром Восьмой. – Хотя это опять отдалит час великого Союза Побережья на несколько лет. А то и больше... Годы идут, даже летят! А мы до сих пор топчемся на том же месте! Почти никакого движения к великой цели!

– Не забывай, сын, что первые десять лет тебе пришлось бороться за своё право находиться на троне. Ведь пятнадцатилетнего юного монарха не хотел свергнуть только ленивый. Потом пять лет восстанавливать ослабевшее королевство. И только последние десять лет у нас появились реальные возможности влиять на политику соседних с нами государств. К тому же тебе нельзя явно показывать свои скрытые силы: Гранлео сразу предпримет меры для твоего свержения.

Уже совсем успокоившись, король присел возле матери и взял её руку в свои:

– Если бы мы жили так долго, как эти проклятые Львы! Но у нас так мало времени! Что?! Что нам придумать для свержения этих чудовищ?! Где найти способ для уничтожения их власти?!

– Или где найти человека, – задумчиво проговорила его мать, – который бы подсказал нам такой способ?

Виктор начинал отчаиваться. Трое суток он бродил вокруг королевского дворца в попытках найти хоть малейшую лазейку вовнутрь или встретить грамотного человека, желающего его хотя бы выслушать. И без толку! Его игнорировали, отталкивали, отшвыривали и несколько раз пытались растоптать лошадьми, переехать каретами. И когда он уже принял решение просто идти в город на любую работу, случайно увидел военного, сразу показавшегося ему знакомым. Ибо своей высотой и нескладной худобой тот выделялся в любой толпе и на любом расстоянии. Это был командир надсмотрщиков! Той самой последней партии, которая так жестоко избила взбунтовавшегося раба.

– Господин! – Виктор бросился ему навстречу, чуть ли не хватая за ноги и спешно тараторя на уже чуть ли не родном местном языке. – Вы меня помните? Вы нас охраняли! И на работы водили! В поле! А потом пришли Львы Пустыни и всех рабов забрали! А меня оставили: сильно меня вы все побили в предыдущий день. А потом и вы уехали! Крестьяне вернулись, меня вылечили, языку научили. Теперь я добрался в столицу, и мне нужна ваша помощь. Выслушайте меня, пожалуйста!

Видимо, вояка никуда не спешил. И настроение у него совпало с неким скучным времяпрепровождением. Может, он и развлечься захотел. Потому и не оттолкнул Виктора. Потому и замер, прислушиваясь и присматриваясь к незнакомому оборванцу. Несколько минут эмоции его менялись и легко читались по лицу. Отвращение, озабоченность, узнавание, удивление и, наконец, сочувствие. И тогда он полез в карман и щедрым жестом протянул Виктору серебряную монету, на которую можно было питаться несколько дней.

– Извини, человек! Но больше ничем тебе помочь не могу! Ты ведь уже понял, для чего вас собирать и охранять приходилось? Вот-вот! А наше дело военное, что приказали, то и выполняем!

– Но вы бы хотели помочь своему королевству?! – Виктор при этом отстранил протянутую монету.

– Я?! – Казалось, военного удивил не сам вопрос, а непринятое подаяние. – Я и так на службе у его королевского величества!

Виктор всё-таки очень много прочитал приключенческой литературы в детстве. И сейчас решил проверить кое-что из того, что вспомнил:

– И в каком вы звании?

– Пока лейтенант... – Военный слегка смутился. – Но скоро стану капитаном!

– Такие, как вы, плохо переносят строевую подготовку и не могут угождать вышестоящему начальству! Поэтому вас не пропустят более тщеславные и беспринципные молодые офицеры! Признайтесь: в вашем возрасте вы уже давно должны были стать капитаном?!

– Ну, да... Только я всё как-то в дальних охранениях...

– А тем временем выскочки занимают ваши заслуженные места и должности!

– Вроде не похоже...

– Уверен: вы вполне уже достойны звания генерала! – чуть ли не патетически воскликнул Виктор. – И я вам помогу достичь желаемого! Но и вы мне должны помочь!

– Чем же я тебе помогу?

– Устроить личную встречу с королём!

– О-о-о! – застонал военный с улыбкой. – Да ты смеёшься!!! Это невозможно! Даже я его вижу только на парадах!

– Но мне очень надо! Да и вам тоже: всему королевству! – Виктор неожиданно разволновался, и речь его стала сбивчивой, отрывистой. – Я знаю нечто такое, что может помочь вашему королевству выигрывать все войны! Создать новое оружие! Построить фабрики, заводы, паровозы, корабли, самолёты...

– Ты это, – решительно перебил его военный, – наверное, голоден? Раз бредить начал и словами незнакомыми зачастил? Само собой! Идём ко мне, я тут рядом живу. Поедим, а ты мне заодно и расскажешь: что, как и для чего...

Разговор получился невероятно долгим. И закончился далеко за полночь. Но самое главное – лейтенант Тербон поверил Виктору! Несмотря на свой возраст, закостенелый прагматизм военного, в душе он оставался неисправимым романтиком и всегда мечтал о сказке, которая может воплотиться в жизнь.

– Вот только донести все твои рассказы до короля будет очень сложно. Ведь ты вполне правильно не хочешь увеличивать число людей, о тебе знающих. А иначе не получится: приближённые к трону лично захотят оценить серьёзность твоих сведений...

– Что же теперь делать? – Виктор упал духом. – Ждать, пока вы допроситесь у короля аудиенции? Сами же сказали – бесполезно!

– А мы попробуем подобраться к королю с другой стороны! – Тербон покровительственно улыбнулся и с гордостью стал пояснять: – Моя дочь, хоть мы и из бедного рода, вхожа в королевский дворец. И является одной из фрейлин юной принцессы. И к тому же самой лучшей её подругой. Они даже родились с разницей всего в один день. И недавно справляли совместно своё пятнадцатилетие. Поэтому, мне кажется, надо всё ещё раз пересказать для принцессы.

– Ещё чего?! – расстроился Виктор. – Как сможет ребёнок всё правильно оценить, пересказать, да вдобавок сохранить полную тайну?

– О-о! Ты не знаешь нашей принцессы! Это – пожар! Наводнение! Ураган! Но такой, что его все любят! А пять младших принцесс только её и слушаются.

– Ну, если так... будем пробовать через неё. Ведь других вариантов нет?

За целый день Линкола устала просто невероятно. Едва добравшись до своей комнаты, она рухнула на кровать и замерла в приятном изнеможении. Некоторое время перебирая в уме сегодняшние события и вспоминая, всё ли сделано из намеченного. А потом стала бороться с собственной ленью. Заставляя себя встать и обязательно принять ванну. И обязательно горячую. Пусть это и помешает потом быстро заснуть.

Лишь только Линкола вознамерилась подняться, как в дверь вбежала зарёванная внучка и с порога стала жаловаться;

– Бабушка! Ты себе не представляешь: меня не пустили к отцу! А когда я стала кричать и настаивать, он сам вышел из кабинета и сильно бранился! Даже пообещал меня закрыть в комнате... – Девушка особо продолжительно и жалостливо всхлипнула, – на целую не-де-лю-ю-у!

К моменту последнего рыдания она уже находилась на постели, в бабушкиных объятиях. При этом Линкола ласково гладила девочку по волосам и с улыбкой приговаривала:

– Ай-я-яй! Такая большая девочка, а всё ещё слёзы распускаешь! А ну как подданные тебя такой запомнят и впоследствии назовут Роза Плаксивая?

Слёзы у принцессы тут же высохли, а глаза запылали нешуточным гневом:

– Пусть только попробуют! К тому же они такого не увидят никогда!

– Рада, что только при мне ты позволяешь себе расслабиться! Но что тебя так встревожило, деточка? Что ты решила вломиться в кабинет отца во время важных государственных дел?

– То же самое: важные государственные дела!!! И он бы мог понимать: не стану я его беспокоить по пустякам!

– Ну, раз это так важно, – усмехнулась мать короля Грома, – Расскажи мне! А уж меня ты знаешь: если повод того стоит, я твоего отца и среди ночи на ноги подниму!

– Да, тебя я знаю! – уже спокойным и неожиданно деловым голосом произнесла принцесса, доставая из своей сумочки на поясе пачку тонких деревянных табличек. – Поэтому теперь жалею, что сразу не пошла к тебе.

– О! Какие у тебя интересные картинки! – воскликнула Линкола. – Кто их рисовал?

– Человек из другого мира! И мир этот находится возле тех звёзд, что видны в ночном небе! И люди тех миров научились летать на кораблях из крепкого железа и строить новые миры! Почему ты на меня так смотришь? Я тоже вначале не поверила! Но он так всё подробно рассказывал! И даже нарисовал! Вот, смотри! Это – дельтаплан. На нём можно висеть в потоках воздушного течения, словно гигантские орлы катарги. А вот это – велосипед...

На следующую ночь состоялась вторая беседа короля Грома Восьмого с Виктором. И продолжалась она несоизмеримо дольше, чем первая, состоявшаяся днём во время положенного королю отдыха. Третьей персоной, находящейся при встрече в тайном кабинете короля, являлась его мать Линкола. Перед тем принцессу Розу с большим трудом удалось убедить в том, что все уже спят, и чуть ли не насильно спровести в свою комнату.

На второй встрече король буквально напирал на гостя. Требуя от него ни много ни мало, а страшного и неотразимого оружия большого поражения. Иначе он отказывался верить в потусторонние миры и грозился подвесить обманщика за ноги, растянуть на дыбе, а напоследок ещё и на кол посадить.

Виктора тоже понесло. Перейдя в обращении на «ты», он со злостью выкрикивал обвинения августейшей особе в попрании человеческих прав, геноциде собственного народа и нежелании следовать курсу развития новейших технологий вкупе с модернизацией сельского хозяйства. Если бы не мать короля, то могло дойти и до рукоприкладства. Хоть Виктору не стоило и пытаться: по внешним данным король превосходил его вдвое. И мог прихлопнуть инопланетянина, словно комара, одним шлепком.

В конце концов Гром Восьмой удовлетворённо откинулся на спинку стула, улыбнулся и заявил:

– Ты себе не представляешь, как я люблю поспорить! Сразу моложе лет на двадцать становлюсь.

– Со мной твоё величество, в таком случае, имеет все шансы впасть в детство! – вытирая пот со лба, пригрозил Виктор. – Ещё пожалеешь, что меня вонючие Львы не увели!

После этих слов напуганной Линколе пришлось чуть ли не ладошкой закрывать рот своего сына. Так громко и радостно тот хохотал.

– Тише, тише! Да ты ведь весь дворец на ноги поднимаешь!!!

Когда король успокоился, сразу перешли к конкретным вопросам:

– Что тебе больше всего нужно в первую очередь?

– Бумага! Надоело мне париться над этими фанерками! – не задумываясь ни секунды, выпалил Виктор. И стал пояснять: – Вначале делается целлюлоза. Перемалывается мелко деревянная стружка, превращаясь в рыхлую массу. Затем промывается, раскатывается, и получается тонкая, легко гнущаяся основа для любых записей, чертежей и рисунков.

– Бумага? – Король несколько раз покатал незнакомое слово на языке. Затем отодвинул ящик своего стола и достал оттуда вполне приличную стопку почти белых и плотных листов. Положил её перед обомлевшим Виктором. – Эта, что ли? У нас она называется немного по-другому. Но раз уж ты так хочешь, пусть будет БУМАГА.

– Откуда?! – воскликнул тот, ощупывая листки и чуть ли не пробуя их на вкус. – В такой дикой стране?..

Вместо вдруг погрузневшего короля ответила его мать:

– Не всегда наше королевство было таким. Девятьсот лет назад здесь делали и бумагу, и многое другое, секреты производства чего были утеряны после страшной войны. Империя Сангремар захватила все государства на обоих побережьях океана. И сровняла все крепости с землёй. Идущие следом страшные болезни умертвили большую часть оставшихся в живых людей. Потом голод. И потом... все эти годы кровожадные правители Сангремара целенаправленно не дают развиваться ни одному государству. Только совсем недавно, при правлении моего мужа, при секретных раскопках на месте древних городов были обнаружены некоторые важные исторические документы, расшифровав которые удалось заново открыть многие утраченные древние тайны. В том числе и производства бумаги. К сожалению, мой муж не уберётся от стрелы наёмного убийцы. Империя зорко следит за набирающими силу и политический вес правителями и молниеносно убирает их с арены жизни. Даже не применяя грубую силу! Подло! Из-за угла! Руководствуясь только своими низменными интересами!..

Её голос стал срываться.

– Мама! Я тебя прошу, сдерживайся! – Теперь уже Гром Восьмой пытался успокоить рассердившуюся мать. – Врагу воздастся по заслугам! Так! С бумагой разобрались! Что у тебя идёт под вторым номером?

– Немедленно отправить экспедицию наивернейших людей на поиски моего аварийного запаса. Он упал где-то за другой стороной узкого и почти прямого горного хребта. Достаточно отыскать тех бойцов, которые меня пленили. Они укажут точное место, где меня нашли, и уже оттуда продолжать направленный поиск. Ты себе не представляешь, сколько ценных и полезных вещей там находится. Только простым рассматриванием подобного можно сделать порядочный рывок в развитии прогресса в твоём королевстве на столетия.

– Оружие там есть?! – чуть ли не выкрикнул Гром.

– Насколько я помню – нет! Разве только парализующее... Да и то неизвестно, какой срок хранения имеют батареи. То есть такие коробки, дающие прирученные молнии. Главное – найти! Там посмотрим.

– Не хотелось бы привлекать особое внимание к тем людям, что тебя пленили... – задумчиво протянул король. – Да и к самому факту подобной заинтересованности.

– Мне кажется, с подобной задачей легко справится лейтенант Тербон, – осторожно посоветовал Виктор. – Выглядит как честный и пламенный патриот Чагара. Да и за твою династию готов голову сложить по первому приказу. Во время нашей первой беседы у него дома он трясся над Розой, как над собственной дочерью. Заодно заслужит очередное повышение...

– И не одно, а сразу несколько! – деловито пообещал Гром. – Если вернётся с твоими вещами, то уже сразу в звании полковника! В каком списке он у нас числится, мама?

– В самом приоритетном! – кивнула головой Линкола. – Тербон проверенный и лояльный человек! Ему давно пора продвигаться в наше окружение. Держала его про запас...

– А как мы представим Виктора любопытной дворцовой общественности? – от раздумий лоб короля прорезали глубокие складки. – Ведь проникновение шпионов империи в наше окружение не исключено.

– Распустим слухи, что он некий монах из мифического монастыря Менгары! Эта святая у нас считается покровительницей науки и искусства, и издавна ходят слухи, что возле вершины Каньелла, высочайшей горы нашего участка континента, имеется некое обиталище отшельников. – Похоже, мать короля заранее продумывала все мелочи. – Якобы он сошёл с гор и пытается обратить тебя в новую религию. Даже прозвище ему официальное дадим: Монах Менгарец.

Прозвище оказалось настолько удачным, что вскоре стало вторым именем пришельца из других галактик. В неофициальных беседах к нему обращались «Виктор» или просто «Монах», в более официальных – «господин Менгарец», ну а в протоколах и исторических хрониках писали полный титул: его святость Виктор Менгарец, высший проповедник священного монастыря Менгары.

Дни полетели стремительно. Словно в невероятном калейдоскопе. Тем более что король поставил перед всеми доверенными людьми конкретную задачу: экстренно подготовить королевство к решительному сражению. И на все приготовления отводилось только полтора года. Ибо вряд ли удастся большее время сохранять такие грандиозные приготовления. Удар империи последует незамедлительно. И к следующему сбору податей надо найти решение: как победить уже девятьсот лет непобедимую армию. Мало того: без союзников подобное сражение бессмысленно. Не хватит людских ресурсов. Поэтому надо их тоже убедить в победе, привлечь на свою сторону чем-то невиданным и решающим. И тайным. А как это сделать? В этом направлении стали прилагаться огромные дипломатические усилия, и самым первым, веским аргументом в начинающихся переговорах с соседями звучали слова: «К нам прибыл Менгарец, великий философ, гениальный учёный и наделённый огромной святостью человек...»

Помимо рисования и написания сотен идей, которые Виктор вспоминал, ему была поставлена самая главная задача: обеспечить победу в решающем сражении. Каким угодно способом. К собственному удивлению, варианты он предлагал пачками. Охрипший от ночных споров король отвергал их один за другим. Правда, кое-что оставляя в своих запасниках. Обещая любой полезной детали найти применение. Попутно продолжались споры по поводу каждой вещи, о которой вспоминал Виктор.

– Порох?! А может лучше – пыль?! – вопрошал король, с угрозой нависая над столом. – Ею намного лучше кидаться в глаза противника!

– Да выслушай ты! Я и сам не уверен, как этот порох делается! Только и помню, вычитал в детской книжке, что берётся три вещества: уголь, селитра и сера. Перемалываются и смешиваются в равных пропорциях... Кажется...

– В равных?!

– Или в почти равных... Можно попробовать экспериментально...

– Уголь мне знаком! А что такое селитра?

– Затрудняюсь ответить...

– А как она выглядит?!

– Представления не имею! – Виктор сделал огромные глаза и воскликнул: – Зато знаю, как выглядит сера! Такое пористое и мягкое полулипкое вещество ярко-зелёного, желтоватого цвета... Кажется...

Гром Восьмой усиленно потёр виски, сравнивая описание с имеющимися в памяти аналогами.

– Нет... не помню... Вот напасть! Опять надо вызывать старшего мастера цеха по горной добыче. Если такое вещество у нас есть, то он точно знает! И эта, как её?..

– Селитра?

– Она! Ну, хоть примерный вид?!

– Гм-м! Может, прозрачная, может, белая... может, шариками...

– А на вкус?!

– На вкус?! Да нет! Это явно не соль!

– А кто тебя, Менгарец, знает, о чём ты говоришь! – Король потряс у Виктора под носом кулаком. – Чему тебя там только в школе учили?!

– Кто ж знал, что к вам попаду?! Да я и так много помню!

– Ага!!! Много! Как с той резиной твоей: производится, мол, из чёрной и масляной жидкости, добываемой в недрах земли. А что оказалось?

– Ну, не знал же я, что у вас растут такие деревья, – смутился Виктор, – сок которых при застывании образует просто невероятную и эластичную резину...

Тем не менее геологическая машина королевства Чагар стала набирать обороты в поиске и доставке на пробу всех новых пород и минералов.

На одном из споров пришельцу из других галактик удалось доказать преимущество системы счёта, которой он пользовался. Мать короля приняла самое жаркое участие в диспуте и прямо-таки заставила сына начать переход на новые числа и метрическую систему измерения. Хотя они прекрасно понимали: нужны десятилетия, чтобы специалисты твёрдо перешли на непривычные для них способы счёта. Но Виктор большую надежду возлагал на общую безграмотность. Когда откроются школы для всех, новые ученики начнут обучаться по новым программам, не забивая себе голову «руками», «локтями» и «шагами».

И буквально за несколько дней после того принцесса Роза помогла Монаху Менгарцу составить первую азбуку королевства Чагар. Современная грамота была так сложна и запутанна, что Виктор и не пытался изучать заумные иероглифы. Предложив современную, используемую как единая во всех развитых космических мирах. И Роза взялась за дело с такой решительностью и умением, что удивила всех. Вернее не удивила, а поразила, сотворив настоящее чудо. Она организовала три класса по двадцать человек и целыми днями занималась с будущими учителями, обучая их азам новой грамоты и заразив своим неиссякаемым энтузиазмом. Через три недели Виктор ещё больше удивился, а король светился счастьем и гордостью. Так как к тому времени по приказу Розы были собраны самые способные дети со всей столицы в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, их закрепили по пять человек за каждым из шестидесяти первых учителей, которых продолжала обучать лично принцесса. Кстати, она-то и выбрала самую талантливую учительницу из числа своих учеников и дала ей в обучение всех своих младших сестёр. Даже самую маленькую, шестилетнюю Флоризель удалось заманить на учёбу.

И получилась уникальная система образования. Человек получал знания несколько часов в день. А затем ещё несколько часов передавал те же знания своей пятёрке учеников. Имея при этом довольно много свободного времени для отдыха и дополнительной, самостоятельной подготовки. Даже невзирая на большой естественный отсев некоторых учителей от нивы наставничества, подобная система позволяла охватить грамотностью население в геометрической прогрессии.

Но что самое интересное и обнадеживающее: именно из этих первых волн учащихся уже через два года сплошь состояли ряды управленцев, учителей и так называемых инженерных работников. Ставка на прежнюю полную неграмотность себя оправдала с невероятной лихвой. Людям не пришлось переучиваться заново, новые знания они впитывали в себя как иссушённая пустыня капли дождя.

Стали притчей во языцех и новые выражения, высказывания и восклицания его святости высшего проповедника Менгары. Никто, конечно, кроме самых близких и доверенных помощников, и не догадывался, что активный философ, изобретатель и ученый прилетел на эту планету из других, высокоразвитых миров, но его словечки постепенно становились модными, повторяемыми порой в самых неадекватных ситуациях. Ибо, если горестное самобичевание «Ржавчина на мою голову!» ещё как-то понимали, то вот о сути других приходилось лишь догадываться подсознанием. А сам Виктор смеялся до слез, когда в совершенно неожиданных местах слышал от какого-нибудь офицера или сержанта в адрес нерадивого воина: «Протубе-

ранец тебе за пазуху!» Или: «Чтоб ты загорал возле сверхновой!» Особенно пикантно звучало рассерженное: «Чтоб ты в черную дыру провалился!»

Приходилось частенько останавливаться и давать нужные пояснения о том, что такое протуберанец, как может «согреть» сверхновая и как целые планеты падают в черные дыры. Но все равно восклицания Менгарца остальной народ умудрялся применять в двойственном значении.

А когда Виктор силой воли попытался искоренить инопланетные слова из своего лексикона, оказалось слишком поздно, к тому времени их не употребляла только мать короля да юные принцессы. Вот так порой новые науки притягивают за собой и новый разговорный сленг.

Пока принцесса не выходила из созданных ею классов, Виктору удалось посетить закрытый и самый тщательно оберегаемый район королевства Чагар. Он находился далеко в горах и представлял собой целый каскад неприступных, прекрасно спрятанных от постороннего взгляда долин. Между собой они связывались вполне проходимыми тоннелями, пробитыми в большинстве ещё отцом Грома Восьмого. Но только при современном короле удалось добраться сквозь породу к Глубокой долине, которая своими размерами походила на небольшое государство. А своим быстро и тайно отстроенным содержимым – на мечту металлургов. В ней-то и созданы были огромные предприятия по добыче, обработке и переплавке так необходимых для любого государства руд. Именно в Глубокую долину отправлялись лучшие специалисты, талантливые изобретатели и гениальные самоучки. Отправлялись они туда издавна, с семьями, на постоянное жительство. Ибо выезжать из долины в Большой Мир могли только особо доверенные лица короля. Когда Монах Менгарец преодолел множество тоннелей и умноженное на два количество пропускных пунктов и впервые увидел Долину, он онемел. Вначале. А через пару часов уже прыгал от восторга: его глазам предстало не что иное, как вполне налаженное металлургическое производство. Закрытое, напоминающее скорей тюрьму, но эффективно действующее. Да и живущие в долинах специалисты несколько не считали себя в заточении, имея почти все условия для нормальной жизни и воодушевлённые надеждой на великую победу.

На обратном пути в Радовену Виктору пришла гениальная мысль. И если бы удалось воплотить задуманную идею в жизнь, появлялся неплохой шанс победить войско империи. Но для этого нужен был весьма прозаический на первый взгляд материал – обычный... цемент. Вот только как его сделать?

По приезде он поделился своими мыслями с Громом Восьмым. И в который раз был безжалостно высмеян августейшей особой. Но теперь Виктор был просто уверен в своей правоте, и они ругались целые сутки. Да так ругались, что Линкола со своей старшей внучкой Розой буквально растаскивали их за руки. Но именно в этом споре решилась судьба королевства Чагар. Да и не только его. На вторые сутки охрипший от крика король отчаянно махнул рукой:

– Если продемонстрируешь свою правоту на обещанном тобой макете – будем строить!

Пришелец свято верил в свою идею и в возвратившуюся благосклонность изменчивой фортуны и в тот же день приступил к постройке макета с соблюдением всех пропорций и масштабов. Из-за невероятной секретности он не брал ни одного помощника. Вначале. Но потом с радостью принял посильную помощь принцессы Розы. А ещё через день с радушием приветчал вернувшегося с далёких горных хребтов полковника Тербона. Энергии у получившего огромное повышение офицера тоже было с излишком. Да и новое звание обязывало отблагодарить своего благодетеля.

Миссия полковника завершилась вполне успешно. Большинство вещей из аварийного запаса сохранилось, и их удалось отыскать. Но чуть ли не четверть редкостных образцов галактической технологии подверглись атаке мощных зубов снежного барса, обиталище которого

располагалась рядом с местом падения грузового парашюта. В том числе и две сухие батареи для ручного парализатора. Исковерканные остатки тоже стали предметом повышенного внимания лучших королевских специалистов, но восстановить или создать нечто подобное не предвиделось и в ближайшие лет сто. А вот уцелевшие вещи вызвали бурный восторг, особенно короля Грома Восьмого. С биноклем он вообще в первые дни даже спать ложился. А плазменную зажигалку отдал в специально созданную лабораторию, которой руководил лично Монах Менгарец, только после нескольких ссор со своей матерью и старшей дочерью. Большой неожиданностью, но желанным подспорьем стали и трое наручных часов, которые можно было смело бросить в жерло глубоководного вулкана, а потом продолжать пользоваться. Запас батареек гарантировал использование в течение тридцати лет. Программируемый циферблат позволял выставить любое местное время для любой планеты, так что вскоре монарх Чагара, его старшая наследница и Менгарец все свои действия сверяли только по этим трём миниатюрным устройствам. На нескольких столичных башнях через год тоже установили первые в истории данной планеты большие часы. А потом умельцы стали создавать и крупные карманные часы-луковицы, которыми стали бравировать самые богатые и влиятельные придворные. С тех самых пор время стало поддаваться более точному расчёту.

Найденные Тербоном и доставленные с гор запасы продовольствия за королевским столом открывались постепенно и только по праздникам. Виктор делал это торжественно, подробно объясняя перед этим, что они будут есть и как это выращивается. Делилось далеко не обильное угощение, как правило, только между принцессами. Хотя Роза как самая старшая почти всегда отказывалась от своей порции в пользу младших сестричек. Только от консервированных ананасов она не могла отказаться. И она всегда замирала, слушая рассказ о других экзотических плодах, о которых на этой планете даже не имели представления.

Найденные вещи очень приблизили полковника Тербона к королевской семье, и его вдобавок назначили командиром особого отряда лучших гвардейцев, в задачу которых входила охрана жизни Монаха Менгарца. Так что находиться при своём подопечном новоявленный полковник должен был постоянно. А уж поработать физически он любил всегда и, помогая, выполнял самую тяжёлую работу.

Для создания макета с соблюдением всех масштабов Виктор выбрал удобный овраг в королевском парке, по дну которого игриво струился прозрачный ручеёк. Парк считался личным местом уединения короля, и туда вообще никого не пускали. А уж материалом его святость обеспечили самым разнообразным и в любом количестве. Без всяких подозрений и недоумений со стороны поставщиков. Кто же станет интересоваться, где и как на территории дворца ведутся ремонтные работы?

За две недели постройки макета Роза подробно просветила Виктора о политическом устройстве здешнего мира. А полковник Тербон внёс свою лепту в расширение знаний о географическом положении. Что значительно сокращало время интенсивного познания: и работа делается, и знания впитываются.

По имеющимся данным, материк на планете был один и в данном геологическом периоде пребывал в стадии своего расплзания в стороны. Своим видом он напоминал треснувший на три части панцирь черепахи. Океан прямым лучом с юга расколол континент до центра, образовав гигантский Речной пролив шириной до двухсот километров в своей срединной части. Но дальше продвижение прямого разлома застопорилось прочной плитой докембрийского периода, и трещина разошлась под углом около девяноста градусов в две стороны. Но уже сравнительно узкими проливами. Более ровный назывался Стрела, а более извилистый – Змеиный. Две крупные части суши имели и свои названия: тот кусок континента, где находилось королевство Чагар, именовалось Первым Щитом. А кусок по другую сторону пролива –

Вторым Щитом. В месте расхождения трёх проливов их берега остались очень близкорасположенными, что позволило даже в одном удобном месте пролива Стрела возвести великолепный мост, одно из чудес здешнего мира. Через пролив Змеиный, по непроверенным данным, имела паромная переправа. Именно где-то там, на пересечении трёх проливов, и обосновалась столица империи Сангремар. «Львы Пустыни» вначале покорили полностью свою треть континента, которая называлась Шлем. А потом и окружающее пространство вокруг сходящихся проливов. В течение последующих десяти лет они завоевали и весь остальной мир, одновременно наступая мощными армиями по обоим Щитам. А сейчас совершают только регулярные походы за данью повдоль побережий. Поочередно, раз в два года по каждому берегу. Уничтожая при этом всех, кто пытается поселиться рядом с морем, что совсем не способствует ни развитию торговли, ни даже простому общению с многочисленными государствами по ту сторону Речного пролива. Ни с той, ни с этой стороны ни у одного государства не было своего флота. Ни одного не просто океанского, а даже морского корабля! Все средства водного передвижения уничтожались империей с особой тщательностью. Единственное исключение представлялось королевству Дейджан, на северо-западе Первого Щита. Только там имелся какой-никакой рыболовецкий флот, курсирующий в прибрежной зоне океана.

Во всём остальном империя Сангремар не давала поблажек, запрещая плавание по проливам и сдерживая развитие цивилизации на уровне рабовладельческого строя. А ведь общее количество государств по обеим сторонам пролива достигало сорока шести.

Узнав это, Виктор отбросил от себя камень и весь затрясся от возмущения:

– Протуберанец на ваши головы! Почему же вы все скопом не сомнёте эту проклятую империю?!

– Да потому, что даже общаться между собой мы не имеем нормальной возможности. Про жизнь на Втором Щите у нас имеются только сказки да легенды. Даже у нас, на Первом Щите, если первые лица государств начинают договариваться между собой, моментально следует их физическое устранение. Или наёмными убийцами, или прекрасно вышколенным войском! – Роза устало присела на корточки и окунула натруженные руки в прохладную воду ручья. – Существует строжайший запрет на строительство мощных крепостей. Наши стены вокруг замка тоже не достроены по этой причине. Все прежние крепости значительно разрушены. Исключение составляет лишь монастырь-твердыня Дион в неприступных горах королевства Кезохи, но проход туда возможен только по единственной горной тропе, и никакая армия там не пройдёт. Ещё империя категорически запрещает войны и переносы границ, следя тем самым, чтобы какое-нибудь государство слишком не усилилось за счёт соседей. И в случае аннексии жестоко наказывают агрессоров, возвращая при этом захваченные земли прежним владельцам.

– Это мне знакомо по древней истории: разделяй и властвуй! – Виктор обхватил очередной валун и, поднатужившись, водрузил на положенное место. Похлопав его любовно рукой, он удивился пришедшей ему в голову мысли: – А почему же за девятьсот лет в самой империи не произошло каких-то изменений? Переворота? Смены власти? Наёмных убийц почему никто не подослал?

– А это тоже одно из самых загадочных чудес нашего мира. Все императоры – невероятные долгожители и умирают лишь от старости. По историческим сведениям, ни одного не удалось уничтожить. И все называются Гранлео. Без номеров. Но достаточно сказать, что нынешний правит всего сорок лет. Ему шестьдесят, родился, когда его непосредственному предку исполнилось сто двадцать. Его отец дожил до ста сорока, что считается мало. Дед – до ста пятидесяти двух. И прадед до ста пятидесяти восьми. И за все годы их правления, по дошедшим до нас сведениям, на них даже попытки покушения не совершались. Опять-таки, повторюсь: по нашим данным! Ибо внедрить своего человека в императорское окружение не удавалось никогда.

– Прямо-таки суперимператор! – воскликнул Виктор. – А семейных междоусобиц у них не возникало?

– Никогда! Тем более что у императоров всегда только один сын. И появляется он на свет лишь после вступления отца в семидесятилетний возраст. Не раньше.

– Ого! Да они уверены не только в своей власти, но и в своей мужской силе! Так долго оттягивать с наследником!

Юная принцесса постаралась в этом месте разговора скрыть неожиданно вспыхнувшее смущение:

– Когда появляется наследник, он всю свою жизнь находится рядом с императором. До непосредственной смерти отца от старости. Учится управлять, повелевать и даже лично наказывать виновных. С самого детства он получает лучшие знания во всех сферах жизни. Нет человека, который владеет оружием лучше, чем император или его сын. Нет лучшего наездника. Нет лучшего военачальника. Нет лучшего организатора. Нет лучшего борца, бегуна, да и просто спортсмена. Их физические данные просто уникальны...

– Может, они и не с вашей планеты вовсе? – Виктор взглянул на предвечернее небо. – Даже мне незнакомы детальные различия многочисленных человеческих рас, но прожить в ваших условиях так долго... нереально.

– После твоего появления и мы так предполагаем. Секретами некоторого долгожительства у нас владеют лишь врачующие жрецы из того самого монастыря-твердыни Дион, о котором я упоминала. Собравшиеся там люди знают очень много тайн медицины, но для лечения нужно направляться только к ним. А туда и здоровый человек может добраться с огромным трудом. Лекарствами они тоже не торгуют на вынос, так что вполне возможно, что их врачебные умения больше выдумка, чем правда.

– А были факты того, что Гранлео навещался к дионийцам?

– Нет. Ни единого. Да и подобное путешествие даже императору было бы трудно скрыть. Скорей всего у него самого есть какие-то личные секреты долгожительства, о которых не знают даже его приближённые. Поэтому многие историки, аналитики и правители считали, что достаточно уничтожить самого императора и всё государство, созданное им, моментально рухнет. Но до сих пор никому не удалось приблизиться к Гранлео даже на полёт стрелы. Предвидение опасности, развитое у этих кровожадных диктаторов, просто поражает. А жестокие расправы с бунтовщиками, сепаратистами и просто недовольными держат в страхе все народы, которые подвластны империи. – Роза тяжело вздохнула, затем решительно встала и направилась в сторону дворца: – Уже темнеет. Дам команду накрывать столы. Так что не задерживайся.

Пока строился макет, развернулась целая кампания под лозунгом «Цемент». Поначалу Виктор предположил, что цемент, основное сырьё для бетонных конструкций, получается путём измельчения известняка или гипсовых пород с последующим его обжигом или пропариванием. Ибо он конкретно и с уверенностью не знал сам процесс изготовления. Ведь всегда цемент любых марок поступал к нему на завод в готовом виде. А поинтересоваться тонкостями производства ума не хватило. Но саму идею он подал, а уж местные производители кирпича её развили и довели до логического завершения. Весьма удивив Виктора своей смекалкой и рационализаторством. Мало того, мастера доказали, что в процессе измельчения лучше всего добавлять и глину, и мел, и даже шлак.

Огромные сложности заключались в создании дробящих и растирочных машин. Но умельцы из Глубокой долины проявили чудеса сообразительности и инженерной мысли. Несколько монстров из металла было создано за рекордно короткое время. А в завершение, совсем рядом с Радовеной, в строй вступила длинная, постоянно вращающаяся труба, со всех сторон равномерно пропекаемая газовыми горелками. Труба располагалась под небольшим уклоном, и постоянно меняющиеся составы экспериментального цемента проходили в этой

трубе своё необходимое пропаривание и обжиг. Постепенно при этом ссыпаясь вниз, где уже производилась расфасовка в небольшие, помеченные особыми номерами мешочки. Таким образом сравнивались полученные образцы и отбирались самые удачные.

Очень скоро один из обширных подвалов замка стал заполняться мешками с цементом и производящимися там же железобетонными конструкциями. Лишь только конструкции застывали и вылёживались положенное время, с ними проводили показательные испытания. Накладывая на изготовленную балку, к примеру, десятки, а то и сотни мешков с песком. Аналогичные по толщине балки, вырезанные из цельного гранита, оказывались менее прочными во много десятков раз. Так Виктор наглядно демонстрировал невероятную прочность искусственно созданных несущих конструкций и перекрытий. Ну и попутно высчитывал нужную для строительства плотины прочность.

Глава третья

Плотина

Пришло тайное сообщение из соседнего государства. В нём барон Эдмонд предупреждал своего венценосного коллегу о готовящемся покушении. Данную проверку своего соседа король Чагара предпринял специально, пытаясь выяснить степень лояльности к себе и своему государству. Как оказалось, сделал это не зря: Эдмонд и в самом деле переживал о будущем планеты, мечтая создать Союз Побережья, и предпринимал в этом направлении надлежащие шаги. Безопасность монарха Чагара занимала в его планах чуть ли не первостатейное место. Следовало воспользоваться представившимся шансом немедленно.

И пока Монах Менгарец строил в королевском парке макет предстоящего сооружения, король Гром Восьмой спешно, но в условиях невероятной секретности съездил на границу, где и встретился с получившим дополнительное доверие бароном. Оба самодержца договорились о намечающемся союзе, скрупулёзно обговорив совместные действия в ближайшем будущем. Барон Эдмонд тоже решил идти ва-банк и стал делать всё, что могло принести победу в предстоящем сражении. Его внушительное баронство было раза в три меньше Чагара, но зато обладало несметными запасами древесного угля самого высочайшего класса. А самое главное – люди. Население баронства, благодаря самому лучшему сельскому хозяйству на Первом Щите, превышало общее население дружественного отныне соседа. Подготовку лучших кадров решили начать сразу же после создания союза. Как кавалерийских воинских подразделений, так и грамотных рабочих для сталеплавильной и прочей промышленности.

К моменту возвращения короля в столицу весьма внушительный макет планирующегося запорного сооружения был готов. С соблюдением всех масштабов и почти реальной конфигурацией всех изгибов и рельефов местности. Вода в искусственной плотине набралась до расчётной отметки, и Виктор одним прекрасным и солнечным утром провёл демонстрацию задуманного действия.

Присутствовали лишь король с матерью, его старшая дочь да полковник Тербон. Как ни странно, больше всех переживала принцесса Роза. Но вынуждена была молчать как рыба. Так как отец разрешил её присутствие только с таким условием. А Монах Менгарец держался с завидной уверенностью и спокойствием:

– Вот это – долина Покоя, которая расположена возле столицы, ниже по течению реки. Без сомнения, вы ею гордитесь по праву, потому что она считается лучшей житницей государства из-за возможности постоянного орошения. К сожалению, на некоторое время всем этим благодатным пространством придётся пожертвовать, и договор с бароном Эдмондом – о поставках продовольствия – очень актуален. Теперь объясняю более конкретно. Как видите, долину замыкают почти невидимые на первый взгляд холмы. Не забудьте эту важную деталь! Река прорезает их узким стоком во всю глубину и дальше без единого препятствия петляет до самого океана. Скорей всего прибытие громадного войска «Львов Пустыни» и там на некоторое время всё вытопчет, превращая в пустыню.

– Умеешь ты скаламбурить, – буркнул Гром Восьмой.

– Теперь вернёмся к столице. При постройке вот этой дамбы город окажется на берегу огромного озера.

Король с недоумением рассматривал брусочки дерева, камни и большой валун, призванные обозначить столичные сооружения и королевский дворец. А когда понял суть, закричал с возмущением:

– Да ты ведь треть столицы утопил!!!

– Во-первых: не треть! – Голос Виктора был твёрд, но на губах играла улыбка. – А только четверть! Во-вторых: не столицы, а районы трущоб, которые возводились без разрешения. Их давно надо снести. А тем, кто там живёт, выделить места для постройки вот здесь и здесь! Если мы опустим уровень воды, то результат не оправдает ожиданий. Мало того: как бы ЭТОЙ воды не оказалось мало.

– Но ты хоть представляешь, какой высоты получится плотина?!

– Даже посчитал: сорок пять метров! Или более девяноста локтей.

– Да она рухнет ещё при строительстве!

– Тебя не убедили испытания конструкций из железобетона?

– Но ведь туда уйдут горы цемента! – Король даже раскраснелся от переживаний. – И почти всё добытое нами железо!

– Это твои проблемы! Прикажи увеличить добычу впятеро.

– Где взять столько людей?!

– Попроси помощи у союзников! Перемани рабочих высокими заработками! Это как раз тот момент, когда надо выложить все свои сбережения. Реквизировать все средства у дворянства и знати. Наконец, залезть в невероятные долги, где только и у кого только можно. Поставленная цель оправдывает любые средства.

– А рабочие руки для строительства плотины? Где я тебе возьму столько людей? Да там сотни нужны!

– Не сотни, а тысячи! Всего около шести! – «успокоил» Виктор.

– Сколько?!! Зачем так много?!

– Надо успеть закончить строительство до весенних паводков и таяния снегов. Иначе не успеем накопить воду.

– Воду?! – Король с сомнением покачал головой. – Ты думаешь, вода нас спасёт? Поможет уничтожить такое сильное войско?!

– Именно это я и пытаюсь тебе доказать! Потом останется только добить агрессоров, не уместившихся в долину. Кавалерия не останется без дела.

– Но ведь это же просто вода! – Король никак не мог поверить в саму идею смертельного удара катящегося вперёд вала из живительной жидкости.

– Львы Пустыни не умеют плавать! – стал перечислять Виктор. – Но даже если бы умели, никто не сможет это сделать в кольчуге или доспехах. А полное затопление долины как минимум на три метра в течение пятнадцати минут – я гарантирую. Первая, титанически высокая волна перемелет всё, что встанет на её пути. К тому же есть одна задумка, как увеличить и этот результат. Самая главная наша задача – уничтожение императора. Так ведь?

– Я тебе сто раз говорил, – Гром Восьмой в раздражении возвёл очи к небу. – Если он спасётся, то соберёт ещё большее раз в пять войско и сотрёт нас вместе с горами с лица земли. А после его смерти Львы превратятся в шакалов. Будут грызть друг другу глотки. Поэтому в смерти Гранлео – наш единственный шанс.

– И он всегда находится в середине войска? Тогда как раз в центре долины его смерть и застигнет. А для наглядности: смотри!

Виктор, с помощью полковника Тербона, резко выдернул два бревна из основания запруды. Валы со скрежетом рухнули, и стремительные потоки понеслись по образцу долины-житницы. Возле моделей холмов вода взметнулась чуть вверх, а затем успокоилась и стала более спокойно вытекать по руслу, прорезанному в их толще. Какое-то время вся рукотворная долина находилась под толстым слоем жидкости.

– Обрати внимание, – менторским тоном продолжал вещать создатель плотины. – Все камни и валуны, обозначающие войско неприятеля, снесло к холмам, словно кору деревьев. Теперь увеличь это всё в тысячи раз, и ты получишь представление о неимоверной силе удара. Может, кто-то и выживет под таким катком, но с ними справится небольшая армия.

Минут пять все зрители наблюдали за постепенно спадающей водой. И лишь после короткого разговора с матерью король решительно спросил:

– Когда надо начинать строительство?!

– Ты ведь прекрасно знаешь, когда: вчера! – даже не улыбнулся Виктор.

И вот началась стройка. Да такая, что даже сам пришелец из космоса не мог предположить её размаха. А уж подданные короля и подавно. Все только ужасались странной блажи, пришедшей в голову своего правителя: жить на берегу огромного озера. То, что с помощью запасов воды можно будет существенно улучшить поливное земледелие, никто не принимал всерьёз. Но тысячи людей, тоже восхищаясь величием задуманного и получая не менее восхитительную плату, круглосуточно возводили гигантскую плотину. Ещё большее количество подданных отдавало все свои силы и знания в глубине государства, выплавляя железо, перемалывая известняк для цемента и добывая необходимые полезные ископаемые. И между этих тысяч людей, словно молния, метался Монах Менгарец. Невзрачный по фигуре, в серой неброской одежде, но с огненным блеском в глазах и взводом самых лучших королевских гвардейцев за спиной.

Свободного времени у Виктора не было. Что он себе позволил, да и то после окончания основного строительства, так это создание дельтапланов. Над лёгкими аппаратами продолжали работать его ученики, тогда как он лично замахнулся на строительство большого, двухместного. Использовал при этом прочнейшую и легчайшую ткань парашютов, которую отыскал в своё время полковник Тербон. Дельтаплан получился солидный, большой грузоподъёмности. Что позволило не только обучить искусству высшего пилотажа принцессу Розу, но и пару раз прокатить ревущего от восторга Грома Восьмого.

Попутно началось литьё из разных сплавов стволов первых пушек. В этой области Виктор только и помнил по историческим фильмам, как канониры подносили фитиль к казённой части и из ствола древнего орудия вырывалось облако дыма. Требовалось вначале создать надлежащий порох, а потом провести массу пристрелочных испытаний из самих пушек и поэкспериментировать с цельными ядрами и прочей взрывающейся начинкой. Потому что изготовить при существующих технологиях современное стрелковое оружие пришелец не мог. Как и не могли ему в этом деле помочь самые лучшие мастера-оружейники. Но Гром Восьмой и так был невероятно экзальтирован перспективами применения нового оружия и готов был проводить испытания лично, вызываясь добровольцем поджечь фитиль. Хорошо, что к моменту первых испытаний Монах успел придумать нечто наподобие бикфордова шнура, благодаря чему жертв на закрытом горами полигоне удалось избежать.

Зато не обошлось без жертв в самой столице. Через несколько дней после завершения волнительных уроков обучения старшей наследницы короны управлению дельтапланом случилось несчастье. Экспериментируя с составом пороха, один из помощников Виктора допустил непростительную небрежность, и произошёл мощный взрыв. Укрытая в толще скал лаборатория озарилась огненным смерчем и унесла жизни восьми человек. Святой Монах спасся чудом. Но при этом чуть не лишился зрения, слуха и всей крови. Опять на две недели он оказался прикован к постели. И ещё целый месяц вырывался из рук врачей, сиделок и лично принцессы Розы, пытаясь доказать, что здоров. И что вполне прекрасно может справляться со своими делами. Но когда приступил к своим обязанностям, при ходьбе сильно подволакивал навсегда повреждённую правую ногу. А правая рука стала слушаться ещё хуже из-за перенесённого нового перелома в области предплечья. Но после этого, как ни странно, приказы его святости, высшего проповедника монастыря Менгары, стали выполняться с ещё большей скоростью и беспрекословностью. А все новые идеи теперь воспринимались королём без продолжительных споров.

Благодаря этому удалось оттянуть самый решающий день великого сражения ещё на полгода. Виктор предложил полностью уничтожить сборщиков рабов, которые направлялись империей для сбора живой подати. Уничтожить военизированную охрану до единого человека. И сделать это так, чтобы известие об этом достигло императора Сангремара как можно позже. К сожалению, те малочисленные пленные, которых удалось при этом захватить, оказались на удивление тупы и ограниченны. По их словам, они никогда в своей жизни не покидали Первый Щит, а жили в специально для этого построенном возле моста городе. За рабами после их сбора и доставки прибывали особые подразделения из столицы империи, и что с ними происходило дальше, никто не ведал. Уничтожение сборщиков «живой подати» ничего не дало в плане знаний, зато оттянуло на много сроки самого решительного сражения.

Затем усиленное войско Союза Побережья, в состав которого входили мобильные отряды разведки, выдвинулось по побережью в сторону противника и несколько месяцев перехватывало всех связных, лазутчиков, послов и даже пробные группы карателей. За это время Гром Восьмой развил такую бурную политическую активность, что буквально заставил всех соседних правителей во-первых, вступить в Союз Побережья. Во-вторых, выделить специалистов для работы в Глубокой долине. В-третьих, дать лучшие войска – для перекрытия побережья. И в-четвёртых, выделить средства и материалы – для строительства крепостей не только в каждой из соседних столиц, но и на стратегически важных участках побережья. Мало того, после личного осмотра местности у самого моря пришелец отыскал подходящий участок для строительства первого морского порта вместе с крепостью. Конечно, к стройке там только готовились, понимая, что прибывшее имперское войско любые начальные усилия сведёт на нет. Но вот после победы...

Когда великая плотина только начинала строиться, монарх Чагара уговорил своего ценного собрата из королевства Гачи, по территории которого протекала к океану самая полноводная река Хаваси, приступить к постройке нескольких десятков невиданных доселе судов. Чертежи яхт и лёгких фрегатов были начертаны рукой Монаха Менгарца. В скором будущем корабли могли понадобиться и для переправы на другой берег залива, и для торговых рейсов, и для элементарной разведки морских просторов.

Из союзных баронетов, княжеств, царств и королевств подтягивались войска, проводились совместные учения и манёвры. Все государства, объединившиеся в Союз Побережья, готовились к самой важной и страшной схватке, понимая, что второго шанса может и не быть.

Глава четвёртая

Эпохальная победа

Император Гранлео не спешил с молниеносной акцией возмездия. Зато собрал такое внушительное, многочисленное войско, что в открытом сражении у молодого Союза Побережья не было и единого шанса на победу. И двинул свою несметную армию прямо на королевство Чагар, решив сразу стереть в пыль главного бунтовщика, зачинщика неповиновения. Вознамерился устроить, так сказать, показательную резню. Сразу сломить основной стержень сопротивления.

«И настал исторический день! И заполнил ненавистный враг своими злобными войсками зеленеющую долину Покоя. И вытоптал все злаки, растения и травы благодатной долины. И покрыл своей шевелящейся и смрадной массой всё пространство до самого горизонта...» – писали летописцы.

Взмыленный от пота и густо покрытый пылинками пороха, Монах Менгарец выбрался из отводного тоннеля, пронизывающего всю толщу гигантской плотины, и, сильно прихрамывая на правую ногу, поспешил к стоящему на уступе королю. В присутствии всего своего семейства и самых знатных дворян тот с помощью мощного бинокля обозревал колышущееся море голов неприятеля. Прекрасная оптика, найденная в своё время полковником Тербоном вместе с остальными вещами Виктора, пришлось сейчас как нельзя кстати.

– Плохо дело! – воскликнул он, передавая бинокль Виктору. – Император остался со своей личной гвардией на холмах! Это самые лучшие его части! И у него есть все возможности прорубиться через ряды наших резервов, которые двинутся на них с флангов от побережья. Пушками мы его тоже не достанем.

– Да их у нас всего лишь несколько хорошо пристрелянных и испытанных. Ядер тоже не хватает, шрапнели и подавно. Лучше вообще пока об этом оружии всему остальному миру не рассказывать.

– Жаль, пугнуть бы стоило...

– Нельзя. И враги разбегутся, и канониры наши не готовы. Да и пушки... Вон сколько стволов разорвалось на испытаниях.

– М-да... ну что, рассмотрел?

– Ага, как раз любуюсь их дисциплинированно выстроенными толпами. Ух ты! Они даже осадные башни построили! И необходимой высоты! – возбуждённо восклицал Виктор, подкручивая верньеры прибора. – А ты говорил, что они о плотине ничего не знают! Смотри – подготовились! И как много! Так, «шакальчики»... А где же ваш атаман? Вот сволочь! И вправду на холмах засел!

– Они, между прочим, парламентёра прислали, и тот что-то передал на словах генералу Тербону. Вон от него скачет посыльный.

Подскакавший молодой гвардеец осадил коня рядом с шатром главнокомандующего и спрыгнул на землю. Отдав честь королю, стал дословно передавать слова парламентёра:

– Требуют выдать господина высшего проповедника монастыря Менгары! После этого сразу обещают вернуться в свою империю!

Король после этих слов скорбно рассмеялся:

– Да кто этим тварям верить станет?! Ещё издевается, большой Шакал! Передайте: пусть немедленно сдадут оружие и выдадут императора!

– Стой! – Виктор остановил уже вскочившего с колена посыльного. – Лучше передай, что Святой Монах вызывает императора Гранлео на личный поединок! – Заметив, что гвардеец ошалелыми глазами смотрит то на него, то на короля, рявкнул изо всех сил: – Выполнять!!!

Посыльного словно ветром сдуло. Но зато опомнился король:

– Здесь я отдаю приказы! Никаких поединков!!!

Менгарец бесстрашно шагнул к возвышающемуся над ним королю и с бешеным блеском в глазах зашептал:

– Ты хочешь, чтобы император спасся?! Собрал ещё большее войско?! И уже прекрасно зная о наших тайнах, уничтожил всех и вся?! Нет! Я этого не допущу. Мало того, и в моём риске есть вполне реальная лазейка для отхода. Как только он подъедет к дамбе, я брошусь на лестницу. Как бы он ни бегал, я поднимусь раньше. И сразу же взорвёшь плотину!

– А если что-нибудь случится?..

– Всё равно взрывай! Только взрывай тогда по моей команде. Вначале запруду на горном озере: я подниму меч у себя над головой! Собранные воды ледника домчатся к столице за три минуты. Лишь только волна дойдёт до плотины, та должна рухнуть от второго взрыва. И ни секундой позже или раньше! Только так мы можем усилить селевую мясорубку.

Он по-дружески похлопал угрюмо замолкшего монарха по плечу и повернулся к подошедшему с оружием адъютанту.

– Отец! – воскликнула принцесса Роза, ринувшаяся к Монаху. – Не разрешай ему!!! – При этом она чуть ли не схватила Виктора за руки, мешая подвесить к поясу ножны с мечом. Все на мгновение даже застыли от такого порыва. Слишком уж открытые эмоции проступили на лице у молодой наследницы короны. Первым опомнился Виктор. Осторожно освободил свои одежды от цепких пальчиков взволнованной, чуть не плачущей девушки. Потом подозвал своего коня и, усаживаясь в седле, проговорил с вежливым укором:

– Ваше величество! Принцессу следует воспитывать более строго! Пусть первая наследница короны заранее научится жертвовать никчёмными жизнями своих подданных ради священных целей королевства! – Затем, тронув коня, стал спускаться к раскинувшемуся у подножия столицы водохранилищу.

«...И вызвал Монах Менгарец на личный бой самого императора. Выманив его при этом из глубоких тылов, где Гранлео находился в относительной безопасности. И расступилось вражеское войско...» – писали летописцы.

Отборные войска покорителя всего мира растолкали всех остальных воинов в стороны и создали посреди долины Покоя прямой, как стрела, коридор. И по нему, на великолепном жеребце, теперь ехал сам император Гранлео. А Виктор, спустившийся на поле предстоящей битвы, напряжённо размышлял:

«Неужели он боится собственных войск?! Или не доверяет даже им?! Иначе к чему такие предосторожности и перестраховка? Не спешит, сволочь! А как осматривает всё вокруг! Уже и присмотрел, что я далеко от плотины: никакая стрела не достанет. И то, что лестницу подняли. Каждый уступ над городом и вокруг плотины вначале взглядом прощупал. Ухмыляется! Короля заметил! Ишь ты, и ручкой помахал! Но весь напряжён как пружина! Подозревает что-то...»

Император действительно сомневался и удивлялся. Построив такую плотину, бунтовщики могли ещё не один сюрприз приготовить.

«А всему виной этот Проклятый Хромой Монах! И откуда он только взялся?! Неужели действительно из какого-то их горного монастыря? Надо будет впоследствии сравнить с землёй все их монастыри и скиты отшельников. Слишком уж этот калека умён! Но телом и силой не блещет! Его наверняка обучали лучшие мастера боя на мечах, раз он надеется на призрачную победу. Ха-ха! Только не со мной! Как бы его ни дрессировали, я ему не дам даже единственного шанса на победу! Искромсаю, словно ядовитую гусеницу или мерзкого червяка!»

Несколько долгих минут посидев в седле на передней линии своего войска, Гранлео после тщательного раздумья всё-таки принял условия оговорённого поединка, соскочил на землю и пошёл пешком к поджидавшему его Монаху Менгарцу. Медленно пошёл, осторожно, словно

прощупывая почву перед собой колючим взглядом. А когда расстояние между ним и скромно одетой фигуркой главного врага сократилось до восьмидесяти метров, с презрением увидел, как хромой противник стал делать разминку с мечом. Неуклюже, смешно и несуразно. Но вот он поднял меч над головой, ещё раз, потом ещё. Через какое-то время со стороны гор послышался раскат грома. Император остановился и в который раз внимательно осмотрел всё вокруг. Грозowych туч не видно. Лишь очень далеко клубилось несколько облаков над пиками гор. В той же стороне кружил гигантский белый орёл из породы катарги. Оглянувшись назад, Гранлео обозрел своё несметное войско, презрительно улыбнулся и вновь решительно двинулся к противнику. За свои тылы величайший правитель этого мира не переживал, у него за плечами стояла несокрушимая мощь империи Сангремар.

А Виктор уже и не думал убежать. Для него было поздно! Давно и во всех отношениях поздно! Последние месяцы он так проникся ненавистью к императору, что даже радовался такому концу. Да и здоровье совсем разладилось. Никто не знал, чего ему стоили недосыпания, после которых раскалывалась голова, боль в ноге при хождении и немощность в правой руке. Смерть лишь освободит его от трудной и непереносимой жизни. Тем более что эта смерть не напрасна. Великая цель будет достигнута. А дальше... Дальше и без него планета пойдёт по более прогрессивному пути развития. Гром Восьмой справится. Да ещё с такой дочерью, как Роза... Роза... Да, за это время она превратилась не просто в удивительную розу, а в богиню... А глаза! Какие у неё глаза!!! Только ради этих глаз стоит пойти на смерть и уничтожить самого главного врага и тирана всей планеты.

И Виктор стоял, наблюдая за каждым движением императора Гранлео. Держа в левой руке меч, а правую руку бессильно свесив вдоль туловища. Своей пассивностью он только старался как можно ближе к плотине заманить императора. Догадываясь, что у того будет ещё мизерный шанс вернуться к своему коню и как ветер помчаться вдаль при малейшей опасности. И когда между ними осталось всего тридцать метров, плотина загрохотала, покачнулась и стала крениться в сторону долины. Но Виктор даже не оглянулся на дело своих рук. Он с удивлением смотрел на несущегося к нему императора со вскинутым над головой мечом.

Последним своим поступком Гранлео подтвердил своё незаурядное и знаменитое величие. Пусть он и был злейшим врагом, но следовало отдать должное его бесстрашию и трезвой оценке ситуации. Осознав неминуемую гибель за тысячную долю момента, он не рванулся к своему коню, ловя один шанс из миллиарда на своё спасение. Нет! Он тут же принял решение уничтожить собственноручно Проклятого Хромого Монаха. Вознамерился сделать это до того, как гигантская и беспощадная волна превратит их обоих в кровавые, распластанные клочья плоти. Вид несущегося императора был страшен: в оттянутой чуть в сторону руке – сверкающий меч и развевающиеся за спиной длинные чёрные волосы. Застывшие в каменном гротеске углубившиеся черты лица и широко открытый в немом крике рот.

Именно поэтому у Виктора и мелькнула молниеносная мысль:

«Лучше умереть под обломками бетона, чем от его меча!»

Своё бесполезное оружие он отбросил с первым движением назад, а потом побежал изо всех сил и с той скоростью, которую позволяла сильно искалеченная правая нога. Причем двинулся не прямо к рушащейся плотине, а в сторону противоположного края долины, инстинктивно пытаясь избежать сразу двух смертельных опасностей. И только невероятным чудом успел заметить в небе скользящую прямо к нему огромную белую птицу. Потому что в грохоте, рёве и шуме ломающей всё на своём пути воды вряд ли бы услышал предупреждающий визг старшей принцессы. Розалия управляла тяжёлым дельтапланом насколько мастерски, настолько и рискованно. Аппарат шел к двум бегущим людям с огромной скоростью и почти в критическом пикировании. По бокам рулевой опорной планки вниз свисал упругий жгут из местного аналога каучука, болтаясь несуразной, трепещущей на ветру дугой, но всё-таки провисая вниз метров на пять.

Задрав голову и совершенно не глядя себе под ноги, Виктор выжимал из себя последние усилия, уже заметив и просчитав единственно возможную точку пересечения его рук со свисающим жгутом. Его мозг лихорадочно заработал, подсчитывая призрачные шансы на спасение:

«До первой волны успеваю! А потом? Вес моего тела не так велик, но всё равно может утянуть дельтаплан вниз при первом рывке. Если бы мы раньше догадались подобный трюк отрепетировать! А так, ценой жизни Розы, спастись я не стану! Разве что она догадается начать выход из пике чуть раньше...»

Догадалась! Что привело и к другому положительному эффекту: дуга спасительного жгута провисла максимально близко к земле. Почему Святому Монаху не пришлось подпрыгивать на полутораметровую высоту, а просто принять его грудью и прижать обеими подмышками. Тело тут же стало разворачивать спиной по ходу рывка, и глазам открылся свирепый вид догоняющего Гранлео. До императора оставалось всего каких-то три жалких метра пространства, и он готовился к своему последнему прыжку.

Дальнейшие события запомнились Виктору с необычайной тщательностью, словно в замедленном видеофильме. Утончающийся жгут резко сдавил грудь, дернул вверх, и тело с ускорением стало взмывать в небо. Гранлео зарычал, словно дикий зверь, из-под носа которого уходит вожаемая добыча, и в неимоверном прыжке взвился в воздух. Наверняка он при этом подпрыгнул выше двух метров, и на самом пике своего прыжка провёл рубящий удар мечом, зажатым в вытянутой максимально правой руке. Блестящая на солнце сталь зловещим росчерком устремилась к поджимающимся ногам Монаха и самым кончиком рассекла поперёк левую ступню. На повторный удар у Гранлео не хватило высоты, и он стал падать вниз, размазываясь во всё сминающем селевом потоке. Тогда как болевой шок пронзил всё тело Виктора, словно ударом тока невиданной силы.

Но всё-таки не эта боль лишила его ясности сознания:

«Если при обратном растяжении жгута я коснусь поверхности водяного вала – сразу скидываю руки вверх! Роза не должна погибнуть!»

И вот именно в этот момент совершенно неожиданные жуткие ощущения на короткое время лишили его сознания. Растянувшийся до своего предела резиновый жгут при рывке тела вверх в верхней точке стал сжиматься с такой неправдоподобной силой, что разорвал и смял некоторые мышцы между грудью и руками. Помутневший рассудок не смог среагировать на приближающийся растущий по высоте водяной вал и на то, что бессознательное тело опять понеслось вниз. Иначе бы Виктор преднамеренно скинул руки. Благодаря огромной инерции дельтаплан поднимался теперь по восходящей линии, но жгут всё равно в обратной амплитуде сильно растянулся. Сильный удар то ли водой, то ли бетонным обломком по ногам добавил прищельцу болевых ощущений, плюс – непредвиденное вращение вокруг оси, и теперь подвешенный к дельтаплану Монах не смог бы освободиться от жгута под мышками при всём желании. Но зато новая вспышка боли в рассечённой ноге помогла вернуться в сознание и немного осмотреться в воздушном коловороте. Его опять тянуло к небу, а страшные водовороты со скрежетом перемалывали пространство под кровотокающими ногами.

Второе провисание оказалось ещё менее амплитудным, скорости и инерции тяжёлого дельтаплана хватило для перехода в горизонтальное планирование. В какой-то момент показалось, что Роза справится с управлением и они смогут даже приподняться над бурлящей водой, но при близости крутого склона другого края долины совершенно затих встречный ветер. Летательное устройство начало ощутимо снижаться, а Виктор ещё только начал раскручиваться на замотавшемся вокруг его тела жгуте в обратную сторону. Поэтому лишь с досадным криком заметил, как мелькающий берег вдруг с ускорением приблизился и встречным ударом «приласкал» измученное ранами тело. Очередное сотрясение мозга можно было посчитать благом.

Принцесса же до самого конца проявила все свои умения, жажду к победе и завидную волю к выживанию. Она сумела так удариться корпусом дельтаплана о камни крутого склона,

что устройство заклинило в трещине между валунами. Сама Роза после жёсткого удара ухватилась за камни и, оцарапав всю кожу на пальцах, невзирая на изрядную боль в коленках и локтях, умудрилась продержаться все пятнадцать минут, пока не подоспела помощь. Именно с тех пор за ней и стало числиться пышное, велеречивое прозвище: Розалия Великолепная, Милосердная Покорительница Небес.

Глава пятая

Желе гарбены

Радовена, столица королевства Чагар, ликовала после эпохальной победы. Смешавшийся с союзными войсками народ с самого вечера интенсивно уничтожал городские запасы вина, пива, эля и более крепких напитков. Останавливаться в начавшемся триумфе никто не желал, да и недавно объявленный королём манифест ясно указывал на сроки праздника – три дня. Впервые за девятьсот лет люди побережья вздохнули свободно, избавившись от ига завоевателей, и теперь каждый представлял себе только сказочное и безмятежное будущее.

Хотя и оставались такие, кто продолжал озабоченно думать о дне грядущем, даже при всеобщем бесшабашном ликовании. Пожалуй, больше всех волновался и метался по всей столице и её пригородам король Чагара. Гром Восьмой только к самому утру следующего после победы дня примчался к своему дворцу и, даже не меняя пропылённой и пропахшей конским потом одежды, поспешил первым делом в королевский госпиталь. А там без остановки проследовал в наибольшую палату, где врачи все последние часы боролись за жизнь Монаха Менгарца.

При этом Гром нисколько не сомневался, что самых родных и близких он застанет именно там. Когда король появился, несколько врачей и сиделок быстро покинули помещение, понимая и без приказа, что не всё здесь услышанное может подлежать широкой огласке. После короткого взгляда на забинтованное лицо пришельца, лежащего без движения в кровати, монарх кивком головы поздоровался со старшей дочерью, а затем приглушённым голосом обратился к своей матери:

– Как он? Что с ним?

– Всё самое страшное осталось позади, – с усталой улыбкой ответила Линкола. – Но по уверениям врачей, это просто чудо, что он остался жив после такой невероятной потери крови. Помогло ещё и присутствие тех самых жрецов-дионийцев из дальнего королевства Кезохи, которые каким-то образом сумели влить кровь в тело нашего Виктора. По крайней мере, он теперь хоть дышит более равномерно и уже не так бледен, как в первые часы. А совсем недавно что-то пытался шептать твоей дочери.

– Как у него с ногами? – Задавая этот вопрос, король с горечью заметил то движение, которым Роза постаралась забинтованными пальцами утереть непроизвольные слёзы. Словно не желая вспоминать о грустном, его мать стала отвечать ещё более тихим шёпотом:

– Вот с ногами у него вообще плохо. Левую ступню не удалось сшить как следует, так что скорее всего она у него отсохнет. Возможно, и ногу придётся отрезать по колено, если начнётся гангрена. Правой ногой досталось значительно меньше, но если припомнить, что он и раньше на неё опирался с трудом...

– Понятно... а лицо и рёбра?

– Тоже мало приятного. Порванные мышцы под предплечьями со временем могут не так срастись и принести частичный паралич рук. Ну а дополнительные несколько шрамов лица на общем фоне других ран и упоминать не стоит.

– Какая жалость! – с отчаянием протянул Гром, косясь глазами в сторону старшей дочери. – И ничего больше для него не удастся сделать?

– Врачующие жрецы из монастыря-твердыни Дион помалкивают. Говорят, что им надо посоветоваться с больным. Остальные врачи думают. Да и во все соседние стороны разослали посыльных. Обещали собрать всех знахарей, колдунов и прославленных медиков, но вот поможет ли это...

Сын с матерью многозначительно переглянулись и вообще перешли на еле различимый шёпот:

– Ну а как Роза?

– Хм! – Линкола с гордостью взглянула на свою старшую внучку, – Ведёт себя как истинная принцесса! А уж командует всеми! Но любой человек всё равно теперь на неё смотрит с обожанием и восторгом.

– Да уж! Мне самому до сих пор не верится, что именно ей удалось спасти Виктора. Полёт на дельтаплане навсегда во всех подробностях останется в моей памяти. Я когда за ним наблюдал, то от переживания бинокль чуть себе в голову не вдавил...

– Чего вы там шепчетесь? – довольно громко и строго спросила Роза у своего отца.

– Да тише ты! Разбудишь ведь! – всполошилась её бабушка.

– Ничего, Виктору и так не спится, и он давно хочет услышать последние новости. Даже мне нашептал несколько вопросов. Так что, папа, можешь говорить громко и отчётливо.

– Ты уверена? Неужели он не спит? – Гром Восьмой подошёл к кровати с раненым, в сомнении присмотрелся к узким щёлкам в бинтах, уселся на стул и только тогда пожал плечами: – Ладно, хотя ничего важного пока сказать не могу. Тело Гранлео так до сих пор и не нашли, хотя всех на него похожих воинов раскапывают из ила, достают из луж и свозят на центр долины Покоя. Постараемся завтра сделать опознание, хотя от тысяч тел остались только измочаленные, обезображенные останки. Ещё больше трупов река унесла к самому океану. Удалось отыскать или захватить большую часть обоза и многие личные вещи императора. Его огромный шатёр при отступлении успели подвергнуть разграблению сами Львы Пустыни, что, в общем-то, показалось нам очень странным. Похоже, вся личная гвардия императора и его ближайшие сподвижники выстроились для создания коридора среди войск и в подавляющем большинстве погибли. Наладить дисциплину и сохранить наивысшие ценности в ставке было некому. Особую ценность представляют подробные карты всех частей материка и, в частности, имперской столицы. Сейчас это всё раскладывают и изучают в одном из соседних залов.

Король сделал паузу, вопросительно поглядывая на дочь. Когда та кивнула, подтверждая, что Менгарец внимательно слушает, описание создавшейся обстановки продолжилось:

– Теперь о боевых действиях. Наша северная группировка войск Союза Побережья выдержала удар прорывающихся к себе домой остатков имперских Львов Пустыни. По докладом, поступившим на данное время, никому из окружения вырваться не удалось. Зато в южном направлении совершенно для всех неожиданно вдоль моря прорвался трёхтысячный, закованный в железо, кавалерийский резерв Гранлео. Наши союзники просто не смогли задержать яростный поток этой стальной лавины. Поражает состав этого резерва: отборные рыцари в доспехах, кони прикрыты защитными попонами! Мы до сих пор и не представляли, что у Сангремара имеются такие воинские подразделения. Видимо, рыцарство предназначалось для прикрытия с южного фланга, а потом оказалось отрезанным от севера потоком воды. Вследствие чего вышедшая из берегов река отрезала им путь на север, и они решили просто уйти таким образом в другую сторону. Будем надеяться, что у русла реки Хаваси их обязательно остановят, а там и наши кавалеристы догонят, завяжут с ними бой. Но ведь могут эти рыцари и дальше вдоль берега прорваться, если хоть один мост захватят. Трудно представить, как они собираются в дальнейшем уйти от погони вдоль всего побережья, но на запад срочно двинулись наши подразделения горных егерей. Наверняка они достигнут западного берега Первого Щита гораздо раньше бегущего имперского резерва.

Невзирая на свою молодость, Роза покивала, смешно копируя солидность своей бабушки:

– А что слышно про корабли королевства Гачи?

– По договорённости, они уже завтра должны вывести десяток яхт и фрегатов в открытое море. Опять-таки, если этим планам не помешают проклятые рыцари. Но узнаем мы об этом только послезавтра. – Король чуть подался вперёд. – Почему он об этом спрашивал?

– Говорил, что это очень важно. Надо немедленно выяснить причину запрета на плавание по Речному проливу и тщательно обследовать как можно большее водное пространство. В идеале: немедленно наладить регулярное судоходное сообщение со Вторым Щитом через воды Речного пролива.

– С этим должны справиться люди барона Эдмонда, у них уже заготовлены целые стаи почтовых голубей, которые погружат на яхты. Что ещё?

– Напомнил о немедленном начале строительства первой крепости на берегу моря.

– Там тоже задержки не будет. Уже завтра начнётся строительство в намеченном месте.

– Очень настаивал на подробных допросах всех пленных, – деловито перечисляла принцесса. – Особенно тех, кто вхож в столицу и окружение императора. Важно выяснить всё о сути святынь Гранлео, о его интимных местах отдыха и нанести на карту Шулпы все точки, куда посторонним вход воспрещён.

– Немного преждевременные действия... но я распоряжусь.

– Возможно, тайные места имеются и вдали от столицы Кровавого Моря. Об этом надо узнать заранее.

– Тоже выясним... – Гром Восьмой заметил, как пальцы левой руки Виктора требовательно пошевелились. – Что он ещё хочет спросить?

Роза прильнула ушком к белым бинтам, и глаза её стали расширяться от удивления:

– Виктор требует немедленно собрать все воинские силы и двигаться к империи Сангремар. Не через две недели, как планировалось раньше, а уже через три дня. Вперёд отправить мощный кавалерийский кулак для захвата и последующего удержания моста через пролив Стрела. Без этого весь поход может оказаться под угрозой. Надо как можно быстрее нанести окончательный удар по их столице Шулпе. Не допустить разрушения дворца Гранлео и взять под охрану все самые важные объекты в первый же день оккупации. Виктор очень надеется, что это поможет раскрыть тайну долголетия династии Гранлео. Говорит, что только там у него появится единственный шанс...

– На что именно? – воскликнула Линкола, приблизившись сзади к сыну и положив ему руки на плечи. Её внучка опять надолго прислушалась к неслышному для всех шёпоту:

– Шанс – не превратиться в калеку. Он всё о своих ранах слышал и не хочет таким ущербным оставаться до конца отмеренных для него лет.

– Мы ведь и так планировали атаковать Шулпу, – стал сердиться монарх Чагара. – Но войска тоже надо подготовить к дальнему походу. К чему такая спешка? Да и вообще, это уже не его дело. Пусть себе пока лежит и набирается сил. А вот когда мы вернёмся с окончательной победой...

– Нет. Виктор настаивает на том, чтобы его сразу повезли с собой.

– Как?! В таком виде? Да он с ума сошёл!

Тут и Линкола переполошилась, нависая над Монахом рядом с внучкой:

– Может, ты чего не расслышала? А может, он вообще бредит после удара лицом о камни? – Заметив, как дёрнулась Роза от возмущения и набирает воздуха для возражений, поспешно добавила: – Не всегда бредит, а иногда! Вот как в данном случае с поездкой.

– Бабушка! Наверняка он знает, что говорит... – Очередные движения пальцев заставили склониться принцессу над раненым. Некоторое время она не дышала, вслушиваясь в шёпот, а потом выпрямилась: – Говорит, что ему очень мешают пропитанные толстым слоем заживляющей мази бинты. Но завтра перед обедом, а вернее уже сегодня, врачи обещали их снять и вот тогда он вам всё дотошно растолкует. В данный момент он очень устал и просит разрешения поспать.

– Да что там, какое разрешение! – отмахнулся Гром Восьмой, вскакивая на ноги. – Имеет право спать, когда только вздумается. Да и нам надо хоть немного вздремнуть за оставшиеся

до рассвета часы. Все по своим комнатам! – Затем более строго посмотрел на дочь, которая и не вздумала пошевелиться: – Тебе особое приглашение нужно?

– Да я и здесь...

– Прекрати! За ним есть кому присмотреть! Забыла, как он мне советовал быть с тобой поостроже? Действительно, мне следует прислушиваться к умным советам, не дело принцессе становиться сиделкой.

– А если он мне очень... – начавшая было весьма решительно, Роза запнулась на последнем слове, и её отец этим же и воспользовался:

– Тем более! Он бы твоё поведение не одобрил. Свой долг выполнила, подвиг совершила – теперь просто обязана отдохнуть как следует и набраться сил для завтрашних событий. Я ведь со всеми проблемами в одиночку не справлюсь.

Принцесса и в самом деле выглядела очень усталой, но всеми остатками воли и упорства пыталась показать свою независимость и глобальную необходимость. Хотя намёк отца на предстоящий допуск к управлению королевством ей очень пришёлся по душе. Окинула всё помещение хозяйским взглядом, поправила уголок одеяла и только тогда с независимым и гордым видом двинулась к выходу впереди любовно улыбающейся бабушки.

Гром Восьмой вышел последним, и, уже запуская к раненому сиделку и врача, многозначительно проговорил:

– Глаз с него не спускайте!

Виктор проснулся, когда солнце уже поднялось довольно высоко и своими лучами заливало его больничную палату. Первым делом прислушался к ощущениям собственного тела. И эти ощущения ему очень не понравились. Трудности при дыхании и невозможность пошевелить скулами не слишком расстраивали. Верилось, что это явление временное. Зато жгучая, пульсирующая боль под мышками и в стопе левой ноги напомнила сразу о подслушанных вчерашних разговорах. Практически все врачи уверены, что он останется почти полным инвалидом. Правая рука и прежде была мало управляемой. Но вот если ещё и левая рука перестанет слушаться как следует, то при всём желании он даже на костылях передвигаться не сможет. Представить же себя в инвалидной коляске для Виктора казалось смерти подобно.

Поэтому он всеми силами поддерживал в себе только одну шальную мысль, которая в разных вариантах уже несколько раз обсуждалась с лицами, приближёнными к монарху Чагара:

«Гранлео не могли жить в здешних условиях так долго и оставаться при этом в идеальном состоянии без определённых высокотехнологических медицинских приспособлений из других миров. Наверняка они потомки высокоразвитой космической цивилизации, и их предки попали на эту планету в результате стечения каких-либо экстремальных обстоятельств. При этом необязательно, если инопланетяне прибыли сюда всего с одним баулом и двумя парашютами. Аварийный корабль или спасательная капсула могли не только не разбиться, а после вполне удачной посадки ещё и сохранить в своём нутре массу полезных и весьма необходимых для продления жизни устройств. Многофункциональные реакторы в щадящем режиме могли работать тысячелетия, так что энергии хватит надолго. Если припомнить все современные аппараты из моего мира, то чего там только не было. Мне раньше везло, лечиться не приходилось, но я точно помню по рекламным аннотациям: любой перелом кости устранялся в специальных камерах за одни сутки, сращивание порванных или порезанных тканей – и того меньше. Причем после лечения даже шрамов не оставалось. А если ещё припомнить молекулярный омолодитель, который раз в месяц за пару часов вычищал из тел стариков устаревшие и отмершие клетки, то сразу становится понятно отменное здоровье императоров Сангремара. Есть, есть у них нечто подобное!

Но! Надо спешить туда немедленно. Ведь после гибели последнего императора в Шулпе начнётся такое кровавое побоище за власть, что могут уничтожить в угаре междоусобиц любые

святыни. А может, и храмы или личные апартаменты разнесут по камешку, в которые вход посторонним ранее был строго воспрещён. Причём искателей сокровищ или ниспровергателей культа предыдущего владыки не остановит даже смерть собственных сторонников, которые попадут под лазерные лучи автоматических пушек роботизированной охраны. В том, что пушки, парализаторы и губительное излучение там будет, – сомневаться не приходится. Иначе Гранлео ни за что бы не оставил свою гарантию долгожительства без должной защиты. И что получается в итоге? Только одно: я прав! Следует отправляться с армией немедленно. Без меня никто не сможет преодолеть современные защитные системы высокоразвитых галактических устройств. Пока они что-то отыщут, пока будут тратить время на попытки взлома, пока вынужденно вернутся за мной... Да и последующее моё путешествие будет не таким стремительным, как при наступлении с армией. Мало того, кости начнут срастаться неправильно, ногу могут отрезать вообще, и потом уже никакие вселенские устройства мне не помогут. Значит – решение принято. Осталось только продумать, каким образом мне перенести такое нелёгкое для расшатанного здоровья путешествие? Лучше всего на самолёте, да где его взять? А воздушный шар так построить и не успел... М-да, задачка будет посложней, чем уничтожение войска вместе с императором Гранлео...»

Раздумья прервал шум шагов входящих людей, а потом и перешёптывания с сиделкой. Правая рука у Виктора в данный момент слушалась сравнительно больше, поэтому он сразу пальцами дал знать, что не спит и просит как можно быстрее снять бинты с лица. Тотчас около десятка рук занялись его искалеченным телом, очищая и омывая лицо, меняя перевязки на ранах и делая локальные массажи на здоровых участках.

Радуюсь, что хоть глаза у него не пострадали и язык вполне сносно ворочается, Святой Монах внимательно рассматривал своих врачей и при первой же возможности задавал вопросы. Отвечали на них, да и вообще руководили всеми действиями своих коллег два седобородых старца. Те самые знаменитые врачи, которые добрались в столицу Чагара только накануне великого сражения, и встретиться прищельцу с ними раньше не удалось. Звали их Тернадин и Фериоль. По всеобщему мнению, именно в высокогорном королевстве Кезохи остался единственный на материке монастырь-твердыня, в котором сохранились какие-то знания о древней медицине этой планеты. Добраться до этого монастыря не смогли даже настойчивые Львы Пустыни, но и никогда прежде обитатели неприступной твердыни не выходили в большой мир. Если кто из людей, дошедших к его стенам, нуждался в помощи, то его обязательно излечивали. Только вот добраться туда и здоровому человеку, считалось, весьма проблематично.

Когда образовался Союз Побережья, предусмотрительная и мудрая Линкола посоветовала отправить в монастырь посланников и выяснить позицию отгородившихся от всего мира отшельников. Может, и совет какой-нибудь выслушать. На большее и не надеялись, поэтому приятной неожиданностью оказалось сообщение, что два жреца направляются в Чагар с рабочим визитом. Можно сказать, что оба старца успели вовремя и своими знаниями, таинственными умениями и невероятным опытом спасли тяжело израненного, потерявшего большое количество крови Виктора.

На вопросы они отвечали без всякой деликатности или жалости, с завидной очередностью, никогда не поправляя и не перебивая друг друга. Самый основной вопрос Виктор задал после очередного тщательного осмотра его пострадавшей ступни:

– Я вчера слышал, что ходить уже не смогу. Может, сегодня чем-нибудь порадуете?

– Можем и порадовать, – медленно проговорил один из старцев. – Благодаря нашему присутствию мы можем заметить гангрену сразу. Поэтому не придётся резать ногу по самое колено, достаточно ликвидировать только ступню.

– Кхе, кхе! Порадовали... Но есть хоть один шанс, что я смогу ходить без костылей?

– Конечно, – подтвердил с полным равнодушием второй старец. – Если правильно сделать ампутацию ступни и хорошо заживить культю, то впоследствии можно соорудить специальный протез. Танцевать ты на нём не сможешь, но передвигаться – вполне.

– И как я буду выглядеть: хромая на левую и подволакивая правую ногу?

– Намного лучше, чем безногий инвалид, передвигающийся на маленькой тележке с помощью утюжков.

– Однако! – воскликнул Виктор, не сумев сдержать волну дрожи, прошедшую по всему телу. Явившаяся перед глазами картинка могла лишить радости жизни кого угодно. – Умеете вы утешать...

– Жалеть и утешать надо слабых духом и стремящихся к смерти, – важно изрёк один из жрецов, которого звали Фериоль. – Тебе это не грозит.

– Откуда вы знаете? – В данный момент пришелец настолько явственно припомнил все свои прежние горести и неоднократное желание умереть, что голос его сорвался.

– Видим по твоему теперешнему состоянию. Умереть тебе не страшно, тебе просто невыносимо чувствовать себя калеккой. Но даже если и такое случится, ты не бросишься от горя в пропасть, а продолжишь идти к новым целям.

– Если бы так всё было просто... Ладно, тогда что вы мне посоветуете в моём данном положении: я должен отправиться с армией в поход в империю Красное Море. Как это сделать?

– Через месяца полтора ты вполне сносно сможешь передвигаться верхом.

– Я выезжаю через два, максимум три дня.

– Дальновидный расчёт. – Кажется, жрец Тернадин позволил себе некое подобие улыбки. – Верхом глупости было бы выехать сегодня.

Его коллега пожал худыми плечами:

– Хотя особо никакой разницы я не вижу. Что завтра, что сегодня...

Виктор грустно чмокнул опухшими губами:

– Да нет, сегодня никак не успеем. – Затем осторожно пошевелил не менее распухшим носом. – Но я вас готов на коленях умолять: что-нибудь за два дня придумайте. А? Я серьёзно! В Шулпу мне надо войти вместе с войсками Побережья.

Оба старика надолго уставились друг на друга, и уже только одно это их упорное молчание могло означать, что придумывать им нечего. Но вместо печального отказа последовало требование открыть все карты:

– Насколько мы понимаем, у тебя есть какие-то соображения, по которым ты так стремишься в Шулпу. Чтобы продумать и рассчитать нашу помощь, мы должны знать все эти твои соображения в мельчайших подробностях.

Требования жрецов были совершенно справедливы. Поэтому вначале для уменьшения ненужных слухов среди народа все сиделки и помощники врачей были выдворены из помещения. Затем Виктор взял клятву с седобородых стариков о молчании и подробно пересказал суть своих размышлений. Приоткрыв заодно завесу и над своим появлением в этом мире. После такого рассказа оба слушателя подрастеряли свою невозмутимость, с явным оживлением задавая массу уточняющих вопросов. Под конец они и сами разоткровенничались:

– В нашем монастыре сохранены настолько древние книги, что за все исторически обозримые века нашим переписчикам и исследователям так и не удалось расшифровать загадочную письменность. Причём в этих книгах не только тексты, но и рисунки, схемы и чертежи странных, совершенно непонятных устройств.

Теперь уже и пришелец от возбуждения предпринял попытки усесться на кровати:

– Почему вы раньше об этом молчали?!

– А кому было рассказывать? – удивлялся один из старцев, подкладывая подушки раненому под спину. – Да и выносить подобные раритеты за стены нашей библиотеки никому не позволено.

– Хотя порой мы допускали к этим книгам и других исследователей из большого мира. – Второй старик тоже с удивительной силой в его шуплом теле помогал усадить Виктора удобней. – Но таких посетителей на моём веку я могу перечислить на пальцах одной руки. Они тоже ничего в тех книгах не поняли.

– Но откуда и как могли появиться в монастыре эти книги?

– Никто не ведаёт. Первые наши летописи датируются двенадцатым веком от сегодняшнего времени, но уже тогда и сам монастырь стоял, и библиотека существовала. По некоторым преданиям и легендам, прежние обитатели нашей твердыни все до единого умерли от таинственной болезни, а их тела бесследно исчезли. Эту трагедию живущие в предгорьях народы осознали только через несколько лет, а вот вновь заселили монастырь спустя лишь многие десятилетия.

Пришелец из иного мира озадаченно поморгал веками:

– Придётся мне лично, и как можно скорей навестить вашу твердыню. И очень страстно хочется надеяться, что я в этих книгах хоть что-нибудь пойму. Мне разрешат вход в библиотеку?

– Никто не посмеет отказать Монаху Менгарцу.

– Уже хорошо, что хоть прозвище помогает. – Скромная улыбка у раненого явно не получалась. – Но давайте вернёмся к моим ногам. Вернее к моей возможности отправиться с армией. Мои планы и надежды вы теперь знаете, осталось услышать вердикт вашего консилиума.

При его последних словах в палату вошла принцесса Роза. При виде опухшего, покрытого кровавыми корками лица Виктора она непроизвольно и резко втянула в себя воздух, а глаза у неё застлались слезами сочувствия и переживания. Но когда она рассмотрела, что раненый уже находится в полулежащем положении, то заметно обрадовалась:

– Тебе уже легче?

– Завтра выпишываюсь из госпиталя, – попытался пошутить пришелец. – А сегодня попробую прогуляться.

Девушка недоверчиво повернулась к старцам, и только после того как обменялась приветствиями, грустно улыбнулась:

– Раз он шутит, значит, и в самом деле идёт на поправку.

– Каждая шутка имеет под собой реальные основания, – изрёк один из жрецов, подвигая стул усаживающейся принцессе. – Вполне возможно, что ваш Монах Менгарец и в самом деле сможет пройти уже сегодня.

От услышанного предположения Виктор стал заикаться:

– Продолжайте, пожалуйста! И как можно подробнее!

– Хорошо, сейчас мы всё подробно расскажем. Но вначале у нас есть парочка условий и несколько весомых предупреждений...

– Согласен на всё! – даже не дослушав, воскликнул раненый. Тогда как её высочество проявила не свойственную юности осторожность:

– Смотря какие условия?

– Первое: мы тоже отправляемся с армией на захват Шулпы.

– Без проблем, – выпалил Виктор.

– Второе: если Шулпу удастся захватить без тотального уничтожения, мы бы тоже хотели участвовать в изучении найденных устройств. Если они, конечно, отыщутся...

– Только буду рад иметь рядом с собой таких помощников. Какие ещё условия?

– Остались только предупреждения. То, что мы хотим предложить, нами очень мало изучено в связи с нашими минимальными контактами с большим миром. Описания и рекомендации у нас имеются очень обширные, а вот личного опыта – никакого. Подобный метод больше всего чреват тем, что имеет свои временные ограничения и после определённого срока при-

менить его повторно на одном и том же человеке – нельзя. То есть весь осознанный риск будет лежать только на тебе.

Виктор переглянулся с принцессой и попытался пожать плечами, что у него не слишком получилось из-за травмированных подмышек:

– Понятно. Но хотелось бы узнать об этом методе более подробно. Надеюсь, мои раны ещё какое-то время вытерпят без кардинального вмешательства?

Оба старца синхронно кивнули и, дополняя друг друга, стали описывать одно из чудес этого мира, доселе никому, кроме обитателей далёкого монастыря, не известного.

Оказывается, в монастырском саду растёт одно волшебное дерево под странным названием гарбена. По сведениям, ничего подобного нет больше на всей планете. Видимо, уникальное растение досталось в наследство от прежних незнамо как умерших обитателей. Как и некоторые записи, благодаря которым удалось восстановить весь процесс изготовления определённой массы, которая имела название «желе гарбены». Получалось желе после варки крупных семян прямо с кожурой в определённом и довольно сложном химическом составе. Причём урожай с дерева удавалось снять только один раз в три года: один год гарбена «отдыхала», а второй – просто цвела.

В дальнейшем пересказе превалировали сложнейшие медицинские, химические и магические термины здешнего мира, но суть воздействия на организм человека Виктор уловил сразу. По крайней мере, здешнее колдовство имело под собой вполне крепкую научную основу. В больших галактических цивилизациях нечто подобное называлось «живыми ботами с твёрдой генетической памятью», когда невероятно активные полуживые существа, внедрённые в организм, восстанавливали порванные ткани, сухожилия и сращивали кости в любых полевых условиях. То есть для лечения не было нужды в огромных и энергоёмких медицинских агрегатах. Процесс выздоровления при этом растягивался на несколько дней, но сути это не меняло: с момента введения ботов внутрь даже простым заглатыванием пациент переставал волноваться о своём будущем. Боты стоили фантастически дорого, но зато решали любые проблемы со страшными ранами и переломами.

Только вот разница между панацеей из технически развитых миров и желе гарбены местной планеты была огромна. Вернее, здешнее желе выполняло только первую функцию своего предназначения: создавало синоптические связи между повреждёнными органами и временно подменяло все эти органы созданным силовым полем. Жрецы, конечно, это самое поле называли несколько иначе, упирая на то, что здесь замешаны истинно магические, волшебные силы пространства. Да только пришелец прекрасно понимал, что любое колдовство современная наука может разложить по полочкам и использовать по назначению. И прекрасно понял, что желе гарбены – просто сильно недоработанный медицинский препарат. Те самые боты, которые временно восстанавливали тело, а ещё вернее, заменяли место ранения неким ментальным заменителем, по заложенной программе генетической памяти. Но в данном случае для решения всех бед Виктора на лучшее и уповать не приходилось.

По утверждениям старцев, достаточно было обложить повреждённое место толстым, желательно до трех сантиметров, слоем желе, чтобы через парочку часов раненый восстановил деятельность повреждённого органа. Например: если воину в сражении полностью раздробили локоть, то практически вся рука, ниже раны, в обычном случае подлежит ампутации. Тогда как наложенная на изувеченный локоть панацея из гарбены уже через два часа полного покоя застынет, станет упругой и эластичной, срастется с кожей и восстановит умение этой руки не только кушать или писать, но и сражаться с прежним умением. Правда, придётся это делать в толстой постоянно поскрипывающей повязке, закреплённой резинками из местного аналога каучука. Казалось бы – волшебство, лучше не придумаешь!

Но вот дальше процесс восстановления прекращался полностью. Мало того, ровно через месяц желе гарбены переставало действовать, практически отмирая, как иссохший орган. Его

следовало немедленно удалять с повреждённого участка во избежание резкого загнивания в контакте с остальной плотью. А в момент аккуратного удаления отработавшей свой срок панацеи глазам врачей открывалось точно такое же ужасное ранение всё того же раздробленного локтя. И рука вновь переставала повиноваться, годясь только к ампутации. Мало того, совершенно свежая, казалось бы, сегодняшняя рана начинала прогрессировать в омертвлении тканей и костей раза в три быстрее. А повторное наложение спасительного желе, как упоминалось неоднократно, организмом больше не воспринималось. Только на один раз в жизни, и если необходимо, то на все раны одновременно.

По утверждениям врачующих жрецов, достаточное количество желе гарбены у них имелось с собой.

Странно, таинственно и рискованно... но! Пришельцу подобное средство давало тот самый единственный шанс не остаться калекой в этом мире. Не навсегда, конечно, оно представляло желанную отсрочку только на один месяц. Но, с другой стороны, можно было воскликнуть и по-другому: «На целый месяц!» Да за это время что угодно произойти может. Ну а уж потом, если завоевание Шулпы не состоится или ничего в тайниках покойного императора найдено не будет, можно и про ампутацию подумать. Поэтому Виктор без колебаний дал своё окончательное согласие и приступил к уточнению деталей:

– Но как вы закрепите повязку на моей стопе?

– Наденем сапог гораздо большего размера. Когда желе равномерно застынет вокруг ступни, ты станешь даже выше на несколько сантиметров. Рекомендуем ту же самую процедуру совершить и с правой ногой.

– Зачем?

– Для уравнивания походки. Ко всему прочему ты этот месяц и правой ногой будешь владеть как здоровой.

– Прекрасно! Но... как я буду снимать сапоги при необходимости?

– Да никак. Месяц перетерпишь. Тем более что застывшее желе гарбены само по себе поможет выводить пот наружу. То есть ты сможешь смело купаться прямо в сапогах. И не сомневайся, сам не заметишь, как привыкнешь.

– Поверю на слово. Только как быть с подмышками?

– Точно так же. Только вместо сапога мы сошьём тебе специальную курточку из тонкой кожи. Расставим твои руки в стороны на два часа, и залитое внутрь курточки желе сделает тебя на месяц здоровым. Кожаное изделие прикроет твоё тело почти до живота, плечи до шеи и руки по локоть. В итоге ты будешь смотреться как перетренировавшийся акробат с очень развитой мускулатурой.

– Может, ещё и сила увеличится? – хмыкнул Виктор.

– Ещё как! И зря смеёшься! – возмутился один из старцев. – Ведь желе гарбены пусть и временно, но чудесным образом воссоздаёт именно те мышцы, которые должны быть у здорового и правильно развитого человека конкретного возраста.

А другой старец демонстративно ущипнул пришельца за свисающую складку кожи на дистрофически выглядящем бицепсе:

– Вижу, ты совсем не следил за своим телом.

Так стыдно Виктору ещё не было никогда в жизни. Он прямо весь порозовел от резкого притока крови к лицу. Если бы хоть не в присутствии Розы это было сказано!

Только вот старшая наследница короны думала совсем иначе и с трясущимися губами встала на защиту Святого Монаха:

– Когда же ему было следить за собой, если он последние два года спал по два, максимум три часа в сутки?! Да его порой силой приходилось заставлять покушать! Чуть не с ложечки кормить!

Раненый покраснел от этих напоминаний ещё больше, тогда как оба жреца лишь хитро улыбнулись да согласно кивнули головами:

– Приносим извинения, ваше высочество! Мы никого не хотели обидеть, – сказал Фериоль, а Тернадин его сразу деловито дополнил:

– И нам надо поспешить к приготовлениям. Необходимы лучшие мастера-сапожники, швеи и кожа лучшей выделки. Распорядитесь, пожалуйста.

По поводу распоряжений Роза никогда не допускала промедлений. Помчалась впереди седобородых старцев из палаты, и те вскоре получили всё необходимое. Когда же она вернулась к раненому, тот выглядел бледным, как и раньше, но зато с горящими от возбуждения и предвкушения глазами:

– Вот так чудеса! Всё равно как сверхновая в чёрной дыре! Твоя бабушка просто провидица, что догадалась послать за этими жрецами. Представить трудно, но я им полностью доверяю и уже прямо сейчас готов попробовать пробежаться в их сапогах! Вот твой отец удивится, когда увидит меня в своём кабинете.

– Не знаю, мне трудно в такое поверить, – призналась девушка, вновь усаживаясь возле кровати. – Такого не бывает...

– О-о-о! Даже самые умные люди моего мира не знают всего, что бывает или не бывает. Совсем недавно ты и в порох не верила, и в дельтаплан.

– Нет, в это я сразу верила, потому что это ты делал и показывал. Но откуда подобные чудеса на нашей планете могли взяться?

– Могло и от прошлых цивилизаций остаться. Я ведь тебе рассказывал, как порой многие звёздные системы в результате непредвиденных катастроф или болезней скатываются на край дикости и первобытно-общинного строя. И им приходится потом заново стремиться к вершинам космической экспансии. Скорей всего и здесь происходило нечто подобное. Как только вернусь из похода на Шулпу, сразу отправлюсь со жрецами в Кезохи, в их монастырь.

– Ты вначале выздоровей, – практично напомнила Роза, хмуря свои брови от интенсивных размышлений. И возможное направление этих размышлений Виктору не понравилось.

– А ещё лучше давай сделаем так: пока мы наведаемся в империю, ты с отрядом егерей совершишь путешествие в монастырь сама и всё там хорошенько осмотришь. Если сама прочитать не сможешь, то тщательно скопируешь несколько текстов...

– Не выйдет, – строго перебила девушка.

– Почему? Ты ведь отлично знаешь теперь общегалактическую письменность и сможешь даже общаться на среднем уровне.

– Да нет, тексты скопировать у меня талантов хватит, – с ехидством продолжила Роза. – Вот только вначале надо империю победить. Поэтому я иду с армией.

– М-да? А кто останется здесь помогать...

– Её величество Линкола и сама прекрасно со всем справится, – с пафосом воскликнула девушка, гордо приподнимая подбородок. – Или ты сомневаешься в умениях моей бабушки править королевством?

– Как можно! А... отец знает?

– Конечно. Я совсем недавно его встретила и потребовала пять самых лучших лошадей для моих фрейлин. Ну и вдобавок две большие повозки для личных вещей и багажа. Хорошо, что моя подруга, дочь генерала Тербона, мне подсказала заранее этим обеспокоиться.

Виктор продолжал смотреть на свою собеседницу с недоверием:

– И как отреагировал на твоё требование его величество Гром Восьмой?

– Нормально, – пожала плечиками принцесса, хотя в её глазах так и прыгали весёлые искорки. – Даже обрадовался. Закричал «У-у-у!...» и вприпрыжку скрылся за ближайшим поворотом дворцового коридора.

От явственно представленной картинке довелось израненному пришельцу давить в себе позывы душащего смеха. Потому что рассмеяться от всей души не давала ноющая от боли грудь.

Через несколько часов необходимые приспособления и вещи были приготовлены. Вокруг переоборудованного кресла жрецы расставили на столах кувшины с бирюзовой, подрагивающей от сотрясения субстанцией, деревянные лопатки и аккуратно разложенную одежду. Как ни хотелось принцессе Розе присутствовать при намечающемся действе, но выйти пришлось. Потому как раненого на этот раз раздели догола.

Затем два дюжих санитаров приподняли Виктора и усадили на высоко поднятое сиденье. Глядя на свою распухшую, изуродованную ступню, он в сомнении стал покусывать губы:

– Да я от боли загнусь, но всё равно ногу в сапог не засуну...

– По этому поводу не переживай, – стал уверять один из старцев. – В первые минуты соприкосновения с желе данный участок тела становится совершенно нечувствителен. И как раз в этот короткий момент нам надо постараться протиснуть ступню в голенище. Конечно, болевые ощущения всё равно останутся, но постарайся терпеть и делать всё, что мы прикажем.

Второй старец поднял вверх указательный палец:

– Учти: на все фиксации нам надо потратить не более десяти минут общего времени. Если где не успеем – на том месте желе гарбены уже не приживётся. Готов?

Глядя на огромные полусапожки, которые мог бы на свои ножища сорок девятого размера натянуть великан, пришелец вспомнил о другом:

– Как я теперь буду подштанники... и прочее надевать?

– Разве это проблемы? Ведь существуют завязки и пуговицы. Портные потом на тебе всё подгонят.

– И то правда. Ух! Теперь готов!

Кажется, врачующие жрецы и сами сильно переживали о результатах предстоящего действия. Они ещё раз вначале всё окончательно просчитали, измерили, а только потом решительно взялись за деревянные лопатки. Первым делом заполнили примерно на четверть объёма подготовленную обувь, а затем толстым слоем нанесли желе на обе ступни.

Уже на второй минуте Виктор ощутил, как стреляющая и ноющая боль успокаивается, становится затухающей. А пока его ноги держали санитары на весу, седобородые старцы с прежней интенсивностью наносили свою странно пахнущую мазь уже на подмышки, внутреннюю сторону бицепсов и грудь. Как только и там образовался толстый слой в несколько сантиметров, они вернулись к ногам и общими усилиями впихнули вначале левую, а потом и правую ногу. Резкая боль от развороченной левой ступни пробила снизу в сознание раненого, но по большому счёту вытерпеть такое воздействие удалось почти без криков и сильных стонов.

Так как пальцы ног и подошва оказались совершенно нечувствительны, то ноги постарались подвесить за голени и колени к тем самым приспособлениям, которые соорудили вокруг кресла. При этом старались добиться одного уровня, чтобы впоследствии не было хромоты из-за разницы в глубине погружения стоп в желе гарбены.

После этого у монастырских кудесников осталось всего три минуты на верхнюю часть туловища. Если раньше Виктор вообще не мог шевелить руками, то теперь их безжалостно растянули в стороны и уложили на подпорки в виде креста. Анестезия гарбены и тут оказала положительное влияние. Затем застегнули вокруг груди нечто напоминающее огромный бюстгальтер, его края закрепили на руках поблизости у локтей и поспешно вывалили остатки желе прямо на кожаное внутреннее покрытие с двух сторон. И наконец приподняли импровизированный бюстгальтер наверх и закрепили с помощью повязок на шее и плечах.

– Ох! Кажется, успели! – выдохнул Фериоль, один из врачей, хватая кусок бинта и вытирая бисеринки пота у себя на лбу.

– Но мне грудь давит, – начал было жаловаться пришелец.

– Помалкивай! – тут же строго одёрнул Тернадин, второй старец. – Постарайся дышать неглубоко, ничего не говори и вообще старайся не шевелиться. Два часа, думаю, выдержишь.

Ничего не оставалось делать, как согласно кивнуть и трепетно замереть. Тем более что гамма получаемых ощущений всё время менялась. Причём неоднократно. От онемения переходила к пекущему до боли жару, затем в леденящую щекодку, сменяющуюся странной вибрацией. После вибрации начиналось интенсивное покалывание сотнями иголок одновременно, а потом снова начиналось онемение. Ну и всё это сопровождалось постоянными переживаниями об окончательном успехе.

Все, кто находился в палате, наверняка испытывали не меньшее волнение. На просмотр было допущено несколько лучших врачей Чагара и личный королевский врач. К тому же здесь продолжали крутиться несколько портных, со всем мастерством переделывающих доставленные одежды. Ну и сами жрецы, хоть и были уверены в свойствах желе из гарбены, начисто потеряли свою обычную невозмутимость и степенность. Они больше всех прохаживались из угла в угол, постоянно давая советы портным, и чаще всех останавливались возле песочных часов, словно намереваясь ускорить движение мелких песчинок.

Чуть позже Виктор сообразил, что лишними волнениями он только ещё больше удлинит срок ожидания. Поэтому постарался переключиться на размышления о ближайших буднях. Конечно, с учётом того, что он сможет передвигаться на своих двоих и владеть собственными руками с прежней ловкостью.

«Первая победа над империей Сангремар получилась замечательной и впечатляющей. Теперь бы не сплеховать со второй. А какое у нас самое слабое место на втором этапе войны? Правильно: захват моста через пролив Стрела. Если мы его не захватим, то и столицы империи нам не видать как собственных ушей. И как назло Гром только высмеивал мои опасения, утверждая, что бронированная кавалерия сомнёт любое сопротивление. А ведь простая баррикада может легко задержать и утопить в крови любую атаку хоть конных, хоть пеших рыцарей. Если Львы успеют подтянуть достаточное подкрепление, то мы будем топтаться на нашем берегу до скончания века. Значит, следует подстраховаться неожиданным манёвром. Знать бы только каким? Пока ничего, кроме ночного десанта с яхт и корветов на тот берег, в голову не приходит. В данном случае отсутствие флота даже у Гранлео не просто удивляет, но истораживает. Может быть, империя всё-таки имеет корабли, но держит их в закрытых портах? Будет очень печально, если они превосходящими силами выйдут навстречу нашей необученной морской флотилии и всех пустят на дно. И десантники погибнут, и первые корабли погубим. Какой выход? Только один: тщательно допросить всех пленных. И продолжать допросы во время всего продвижения армии. Хорошо, что я успел составить свод простейших сигналов флажками и факелами для сообщения между морем и берегом. При подходе к мосту это обязательно пригодится.

Помимо этого из пленных надо вытянуть и массу других сведений. Особенно – что в империи делают с рабами? По бытующему у нас мнению, их отправляют в глубь Шлема для работы на рудниках, по выкорчёвке тропического леса, озеленению пустынь и осушению многочисленных болот. Но этого просто не может быть по простой логике. Ведь за последние столетия, имея такое количество рабов, империя в таком случае извела бы все свои леса, осушила все болота и добыла бы все полезные ископаемые. Судя по экономическому потенциалу прибывшей в Чагар армии – этого не происходило. Ничем особенным вооружение Львов Пустыни не отличалось. Разве что появление рыцарской кавалерии могло обеспокоить кого угодно. Откуда эти рыцари взялись? Тоже вопрос не из простых, следовало бы выяснить как можно скорей. Скорей всего, в тылы побережья ушла имперская элита, которая и много знает, и много стоит. Может, и в самом деле Гром Восьмой прав? Не стоит оставлять в тылах такую живучую во всех

отношениях группировку противника? Вдруг они решили нас обмануть и уже сейчас возвращаются вдоль берега или чуть глубже по суше обратно?..»

Последнее предположение заставило Святого Монаха занервничать, что не осталось незамеченным. Один из седобородых старцев сразу приблизился:

– Что-то беспокоит? Говори шёпотом.

– Ещё как, – признался Виктор. – Но не со мной. Просто срочно нужен или сам король, или кто-то из его генералов. Пошлите посыльного.

По счастливой случайности, где-то совсем рядом посыльный увидал проходящего Тербона и со всей прытью бросился к нему:

– Господин генерал, вас срочно хочет видеть его святость Менгарец.

Тот, даже не переспрашивая, сразу изменил свой маршрут и вскоре уже рассматривал странную конструкцию, в которой восседал обнажённый пришелец. Ещё и пошутил, топорща свои усища:

– Ты ноги паришь или гимнастикой занимаешься?

– Думаю... – буркнул Виктор. А когда Тербон наклонился, чтобы лучше расслышать тихий шёпот, рассказал ему о своих сомнениях и добавил: – Если они вздумают прорываться обратно, то обязательно сегодняшней ночью. Нашу погоню они могли пропустить или вообще уничтожить. Время у вас ещё есть, поэтому на всех трёх возможных направлениях атаки установите баррикады из арматурных ежей. То же самое сделайте на обоих бродах.

– Вдруг не успеем? – засомневался генерал.

– Тогда они сомнут нашу северную группировку, прорвут кольцо и уйдут к Шулле. Сам понимаешь, этого допустить нельзя.

– Искать короля для доклада?

– Только время потеряешь. Скачи со своими людьми немедленно.

После поспешного ухода Тербона оставшиеся полчаса вообще пролетели незаметно. Но и потом врачи не разрешили вставать сразу и резко.

– Вначале пусть тебя хоть приоденут малость.

И только после облачения некоего подобия набедренной повязки оба старца встали по бокам кресла:

– Ну что, начнём с левой руки. – Сухие старческие, но вполне сильные пальцы стали массажировать руку ниже локтя и ладонь, разгоня застоявшуюся кровь. – Теперь поднимай... Отлично! Протяни перед собой, опусти на колено. Теперь правую руку...

Получалось словно во сне: особой чувствительности не ощущалось, словно конечности принадлежали другому человеку. Но они тем не менее слушались и, что самое главное, не болели!

О чём блаженным шепотом и поведал Виктор.

– Можешь говорить в полный голос, – разрешили старики, подхватывая его под локти. – А теперь медленно, не спеша, начинаешь подниматься на ноги. Ну, смелей, опирайся на новые сапоги, не виси на наших руках! Раз подмышки у тебя не болят, то и в ступне боли не почувствуешь.

Действительно, последнее напоминание позволило окончательно поверить в уникальное средство если не полного исцеления, то временного возвращения трудоспособности. Виктор выпрямился на ногах, без всякого стыда осознавая жуткую дрожь в коленках. Чуть постоял, привыкая, и с удивлением ощутил шевелящиеся в сапогах пальцы. Потом чуть пошатался, перемещая тяжесть тела с одной ноги на другую. Тщательно прислушался к получаемым ощущениям плоти. Несколько странные, словно сквозь вату, но эти ощущения вполне позволяли чувствовать мягкую подкладку из застывшего желе. Пусть и недоделанные, пусть не унифицированные боты здешнего мира действовали!

И Святой Монах сделал свой первый шаг после ранения.

Король Чагара стремительной походкой двигался по коридору своего дворца и прямо на ходу выслушивал доклады семенящих рядом адъютантов:

– Её величество Линкола сейчас принимает послов западного побережья. Прибыли князя Селтери из Башни и герцог Вильямс из Саттарии. По их утверждениям, войска обоих королевств уже сосредоточены у их союзника в Шаули и ждут сигнала к выступлению.

– Отлично! Где моя старшая дочь?

– Её высочество Розалия сейчас тоже находится на приёме.

– Как здоровье Монаха?

– По словам её высочества, ему сейчас мешать нельзя. Врачи пытаются его поставить на ноги.

– Ха! Так и сказала: «на ноги»?

– Так точно, ваше величество.

– Чем занят генерал Тербон?

– Вначале имел разговор с Монахом Менгарцем. Потом по тревоге поднял всех своих людей и помчался к морю.

– Ага... значит, и без меня справятся. Тогда осмотрим зал с самыми ценными трофеями, что достались от павшего императора. Всё готово?

– Да, ваше величество. Всё разложено и изучается в малом банкетном зале.

Вскоре монарх со своей свитой оказался в желаемом месте и с самым пристальным интересом принялся бродить между столов, выслушивая мнения и пояснения своих экспертов. Большинство найденных предметов составляли богатые кубки, инкрустированные драгоценными камнями, роскошные ткани и весьма диковинная золотая посуда. Редкостные вазы из полудрагоценного камня, десятки единиц оружия и некоторых приспособлений из металла. Пострадавшие во время грабежа сундуки, довольно много богатых украшений в виде колье, диадем, браслетов и колец, масса самой разнообразной мужской и женской одежды. Последняя деталь заставила короля вскинуть удивлённо брови:

– Подтвердились данные по поводу наличия в стане императора наложниц?

– Да, ваше величество! По утверждениям пленных, Гранлео сопровождало пятьдесят пять удивительно прекрасных наложниц, с которыми он никогда не расставался. Как только евнухи заметили идущую волну, они не стали спасать ничего из драгоценностей, а сразу усадили на коней женщин. И в первой группе остатков отборного войска пошли на прорыв. Сейчас они все находятся в окружении нашей северной группы войск.

– Хм! Неужели они так прекрасны, что их пытаются спасти в первую очередь, да ещё и ценой собственной жизни?

– По утверждениям пленных – да. Правда, простые воины чаще всего падали при виде наложниц на колени, а потом прислонялись лбом к земле, но некоторые всё-таки осмеливались подсматривать. Утверждают, что после такой красоты на других женщин пропадает всякое желание даже смотреть.

– Где же он таких красоток отыскал? Неужели из отданных ему рабынь выбирал? – рассмеялся король, подходя к следующему столу и обеими руками приподнимая довольно тяжёлое изделие из металла. – Хм... какое интересное изделие... И где его нашли?

Откуда-то сбоку вынырнул оружейных дел мастер:

– В земле, среди обломков одной из высоких башен, построенных имперцами для штурма.

– А это что такое?

– Пока не знаем, ваше величество, но...

– Гром! – по залу разнёсся всем хорошо известный голос Монаха Менгарца. – Пожалуйста, очень осторожно, не спеша положи эту вещь на место и постарайся медленно отойти от неё как можно дальше. Всех остальных это тоже касается. Только не ударь!

Последнее предупреждение немного запоздало. После несколько жёсткого соприкосновения со столом внутри странной штуковины что-то громко зашипело.

Глава шестая

Опасное наследство

Несколько мгновений все находящиеся в малом зале только оборачивались, во все глаза глядя на стоящего в дверях Виктора. Тогда как тот и дальше повёл себя несколько странно: сам ничком бросился на пол, продолжая орать дурным голосом:

– Лечь! Всем лечь на пол и отползать от того стола! Если пойдёт дым – ни в коем случае его не вдыхать!

Первым подал пример монарх Чагара. За ним рухнули на пол и отпрянули в стороны от стола и все остальные. Не сплеховали и личные королевские телохранители, парочка самых искусных фехтовальщиков: они нависли своими телами над уползающим по-пластунски Громом Восьмым. Никто так и не понял, чего опасался Менгарец, но когда металлическая штука-вина перестала шипеть и препротивно забулькала, общее движение из зала только ускорилося.

Но больше ничего страшного или таинственного не произошло. Уже в боковом коридоре король поднялся на ноги и бросился к пришельцу, который со всей осторожностью теперь подбирался к углу, намереваясь заглянуть в зал:

– Слушай, Монах, чего это твоя святость нас запугивать решила? На шутки потянуло?

Виктор приостановился, озабоченно мотая головой. Его лицо всё ещё было жутко распухшим от недавних ударов об скалу, поэтому на его угрожающую мимику невозможно было смотреть без слёз.

– Какие могут быть шутки с незнакомыми предметами! И ладно бы ещё находками занялись назначенные для этого специалисты, но зачем твоё величество туда полезло? Я ведь предупреждал!

– Ладно, хорош на меня орать, – хотя при этом грубом окрике Гром улыбался до ушей и расставлял руки в стороны: – Но что я вижу?! Неужели тебя и в самом деле волшебники-дионийцы поставили на ноги?!

– Глаза тебя не подводят...

– И каким образом?

– Они говорят, что с помощью магии. Но я тебе могу дать пояснения современными медицинскими терминами. Как тебя лучше устроит?

– Да мне плевать на пояснения! Главное – что ты топаешь своими ножками и падаешь на пол как мои лучшие телохранители.

– Ну, не преувеличивай. Тем более что данная мне подвижность тоже имеет свои законы с огромными минусами. Но об этом чуть позже. Дай мне разобраться с этой химической миной.

Менгарец стал осторожно наклоняться из-за угла, пытаясь рассмотреть искомый стол, а монарх Чагара встал у него за спиной, озабоченно переспрашивая:

– Химической миной? А что это такое?

– О! Это очень мерзкая и опасная штука, – негромко отвечал Виктор, продолжая всматриваться. – Если она сейчас сработает, то из всего дворца придётся бежать без оглядки. Ядовитый газ будет здесь держаться несколько дней, а в самом худшем случае целую неделю.

– Фу ты, напасть какая! Где же мы тогда жить будем?

– В твоём вопросе основополагающее слово «жить». Или вернее: выжить. Тем более что послезавтра мы и так выступаем в поход, а оставшаяся челядь могла бы и в саду перекантоваться. Хм... насколько мне отсюда видится, вроде пронесло... Ну-ка, дай мне бинокль!

Когда Монах получил требуемое из королевской руки, он ещё с минуту всматривался в поверхность стола через увеличительные линзы прибора. Затем вернул бинокль и с облегчённым вздохом шагнул вперёд:

– Кажется, нам повезло, мина оказалась без химического детонатора. Скорей всего, внутренняя капсула должна быть где-то отдельно.

Гром Восьмой тоже прошествовал за пришельцем без всякого страха, хотя остальным подданным дал знак оставаться на местах.

– Откуда тебе знакомы эти мины?

– Ты не поверишь, но в детстве я смотрел один древний фильм... ну, это такой спектакль на экране, я тебе рассказывал. Так вот там один из героев очень ловко уничтожил этими минами страшных монстров и таки добрался в итоге до спрятанных в глубоких подземельях сокровищ. Так что мои догадки по поводу Гранлео уже имеют первое прямое подтверждение.

Они подошли к столу, вся поверхность которого теперь была залита чёрной, неприятно пахнущей жидкостью. Мало того, чернота прямо на глазах проедала подстилку из кожи и деревянную поверхность под ней, выделяя при этом едкий дымок. Видя, что пришелец не обращает никакого внимания на мерзкий дымок, более свободно вздохнул и Гром:

– Что за жидкость?

– Не знаю. Наверняка какое-нибудь жутко кислотное вещество. И твоё счастье, что катализатора в мине не было...

– А стол теперь только на дрова годится.

– Нашел о чём жалеть! – Шарящий взглядом по другим столам Виктор громко хмыкнул:

– Ну вот, и сердцевин с катализаторами нашлись.

С другого стола он взял в руки небольшие цилиндрики и стал внимательно осматривать. Потом сделал пояснения:

– Наверняка внутри другое опаснейшее вещество. По отдельности они опасности не представляют, а вот вместе... Видишь вот эту резьбу? Сердцевина вкручивается вон в то углубление мины, затем каким-то образом даётся команда «Запуск», и после неё какая-нибудь пружинка или штырь проламывает вот эту стенку. Жидкости смешиваются, и... кто оказался в зоне взрыва – скорей всего умрёт сразу. Кто не успеет убежать от облака – окочурится чуток позже. Причем от этого дыма порой и противогазы не спасают. Могут капельки и сквозь кожу до внутренностей добраться. Нужен только полный защитный комбинезон или скафандр. Ах да, ты ведь никогда не видел противогаза! Да и я только смутно помню его внешний вид. Но это сейчас не важно, для начала давай прикинем, что и сколько твои люди нашли в долине Покоя.

Подозвали оружейников, и те быстро проверили трофеи на остальных столах. Сердцевин с катализатором оказалось девять штук, причём пять было уложено в продолговатую стальную коробку, которая не слишком повредилась при ударе волны. Но вот больших корпусов для мин было всего четыре штуки. Из чего сделали вывод, что скорей всего на больших башнях, построенных для штурма имперцами, имелось как минимум десять этих опаснейших устройств для ведения химической войны. Агрессоры наверняка собирались дожидаться благоприятного ветра в сторону защитников и по определённой команде использовать имеющиеся у них сюрпризы.

Но факт оставался фактом: поисковым командам придётся и дальше с невероятным тщанием перелопачивать землю долины Покоя в поисках ненайденных артефактов из большого космоса. Соответствующие распоряжения были отданы, а все опасные или подозрительные предметы были из зала убраны в лабораторию Менгарца, где он пообещал осмотреть их более тщательно чуть позже. Больше ничего произведённого по иномирским технологиям не нашли.

Зато и короля, и Монаха очень поразили разложенные на отдельных столах женские украшения, изумительная обувь и великолепные одежды. Подобной роскоши они себе и представить не могли. Да и количество в голове не укладывалось. Из чего делались соответствующие выводы:

– Кажется, они у него все жили словно королевы, – Менгарец крутил в руках одну из многочисленных диадем. – А то и лучше. Вот у тебя, например, есть такие украшения?

– Таких – нет! А если и есть пара-тройка, то они по качеству и стоимости не идут ни в какое сравнение с этими чудесами.

– Но с другой стороны, Гранлео – император, покоритель всего вашего мира. Что для него подобные сокровища?

Гром Восьмой досадливо покривился, рассматривая хитро завитую цепь с изумительной брошью:

– С этим-то я согласен, меня поражает другое. Почему он таким образом относится к наложницам? К императрице – да! Никакого удивления, всё понятно. Но к наложницам? Да и ещё когда тех пять с половиной десятков? Поверь, в нашем мире такого никогда не было и нет.

– Ха! Твоё утверждение лишний раз доказывает, что Гранлео – парень не из местных. Чего только в других мирах не случается и каких только любвеобильных правителей не бывает. Другой вопрос: почему пленные поголовно утверждают, что наложницы все без исключения божественной красоты?

– А ты когда успел об этом узнать?

– Во время одевания и подгонки одежды, – Виктор указал на свои сапоги. – Они ведь у меня теперь не снимаются, поэтому для меня сразу пошили несколько комплектов и брюк, и всего остального. Ну я и позвал пару человек, чтобы сделали доклад и ввели меня в курс последних событий. Хваленая красота наложниц меня заинтриговала чуть ли не больше всего.

– Меня тоже, – признался король, потирая свою небритую уже несколько дней скулу. – Поэтому скорее всего я лично сейчас с резервом отправлюсь к тому месту, где окружены остатки имперцев. Не хватало ещё, чтобы в горячке боя эти наложницы пострадали...

Менгарец внимательно посмотрел на монарха и посоветовал:

– Как по мне, то лучше их уничтожить.

– Почему?

– Слишком уж их отважно и сильно охраняют. Да и сам император их при жизни скорее всего баловал чрезмерно. Сам видишь, в какой они роскоши и почитании купались. Наверняка они ему остались верны до мозга костей.

– Но ведь Гранлео мёртв! – живо возразил Гром Восьмой. – Реалии совершенно изменились, и будет глупостью, если любая женщина не захочет изменить свой статус к лучшему. Ведь быть наложницей – это одно, а стать женой единственного и вполне состоятельного человека – совсем другое дело.

– Что ты задумал? – В тоне Виктора отчётливо слышалось беспокойство и недовольство, и венценосный товарищ постарался его успокоить:

– Ну как ты не понимаешь, женская красота – это тоже своего рода богатство, великое, редчайшее, можно сказать, сокровище. И почему бы им не воспользоваться? Ведь сам посуди, у нас великая масса сторонников и союзников, которым обязательно надо будет выделить долю от завоеваний в империи Сангремар. Среди них достаточно и холостяков, и вдовцов, и я просто уверен, что они скорее польстятся на божественную красоту, чем на бездушные украшения или прочие творения искусства.

– Ну и как ты будешь распределять подобные трофеи? – Менгарец попытался скривить своё лицо в язвительной усмешке, но у него ничего не получилось. Но по тону король догадался о попытке его высмеять.

– Не надо меня считать таким уж развратником и намекать, что все эти наложницы пройдут через мою кровать.

– Да я ничего не намекал...

– Но зато наверняка подумал. Боишься, Менгарец, что я о государственных делах забуду в плотских утехах?

– А кто ваших величеств знает, как вы утешаться умеете, – пробурчал пришелец себе под нос, но всё равно каждое его слово было услышано.

– Для твоего спокойствия расскажу, как оно дальше будет. – Чтобы никто из окружающих не подслушал, король чуть пригнулся и стал говорить тише: – Всех спасённых девиц я отправлю под управление моей матери. Та их поселит в отдельном крыле дворца и займётся их проверкой, а если понадобится, то и перевоспитанием. И только тогда она будет решать, кому и какую наложницу сосватать. Повторяю: окончательно с ними всё будет решать моя мать. Как тебе такой вариант?

– Ну, если за это дело возьмётся Линкола, то я тогда буду спокоен. – Монах и в самом деле вздохнул с явным облегчением. – Правда, ей самой будет тяжело справиться со всеми делами сразу.

– Оставлю ей несколько самых верных людей из моего окружения.

– Значит, Роза и в самом деле отправится с нами на войну?

От того, как скривился король, стала видна болезненность данного вопроса:

– А что прикажешь делать? Она уже взрослая и совершеннолетняя...

– Ну, семнадцать с половиной лет – это далеко не совершеннолетие, – с недовольством возразил Виктор. – В наших мирах такой статус присваивается человеку лишь в двадцать один год. Раньше даже жениться нельзя.

– Нашёл с чем сравнивать! – возмутился Гром. – У нас в брак можно вступать в тринадцать, да и родителями становятся немногим позже... – Он осёкся, заметив, как часто задышал Менгарец и каким взглядом на него посмотрел. – Да нет, для своих дочерей я такой доли не желаю, ты не подумай, я напоминаю про всеобщие положения.

Пришелец ответил хоть и сдержанно, но с явной злостью:

– Ну так давно пора менять эти положения. Тем более что данная тебе власть это позволяет. Как говорится – начни с себя.

– Начнём, не переживай. Дай только с врагами разобраться и войны закончить. – Гром стал переводить разговор на другую тему: – Кстати, куда это ты генерала Тербона отправил?

– Да вдруг неожиданно представил, что случится, если трёхтысячный кулак рыцарей вдруг вздумает неожиданно повернуть назад. Они могли нашу погоню пропустить, а то и уничтожить, а сегодняшней ночью сделать попытку прорваться домой. А у нас вдоль реки никаких защитных рубежей возле брода. Вот и дал несколько советов Тербону, как и что сделать. Правильно поступил?

– Одобряю, молодец. Что-то мы этот вариант проморгали, хотя... Ладно, перестраховка не повредит. Да и я ещё сейчас на побережье резерв отправлю, а сам поспешу к котлу окружения на севере. Нанесём последний, решительный удар или заставим сдаться перед лицом нашего явного преимущества.

– Поспеши, поспеши... Только постарайся вернуться к завтрашнему обеду. Без тебя армия в поход не тронется. Да и надо будет срочно решить вопрос с окончательным формированием нашей кавалерии, которую отправим вперёд для захвата моста. Кстати, ты сегодня так и не встретишься с князем Селтери из Башни и герцогом Вильямсом из Саттарии?

– Завтра! Всё успеем сделать завтра! – С этими словами Гром Восьмой аккуратно погладил Менгарца по раздувшимся плечам, радостно рассмеялся и поспешил к выходу из зала. Виктор смотрел ему вслед с каким-то странным предчувствием непонятной беды, но повода остановить монарха так и не нашёл.

Затем тяжело вздохнул, решительным взглядом обвёл оставшихся помощников, которые не скрывали своего удивления при виде спокойно, без привычной хромоты прохаживающегося Монаха, и стал раздавать во все стороны команды. Чувствовал он себя преотменно, давно утраченная лёгкость появилась во всём теле, и работоспособность прежних покалеченных конечностей приятно поражала. Вскоре он опять с головой окунулся в привычный для него водоворот дел и обязанностей.

Глава седьмая

Первые слёзы

В лабораторию к Менгарцу без его специального разрешения могли входить только король Чагара и её величество Линкола. Принцесса Роза запрет просто игнорировала и беззастенчиво делала вид, что она и в лаборатории полноправная хозяйка. Виктор устал с ней бороться и только слёзно как-то раз упросил не врываться к нему словно ураган, а делать это спокойно и тихим голосом сразу от дверей предупреждать о своём появлении.

Вот и сейчас старшая наследница короны заявила о себе голосом:

– Как вы тут без меня? Пробирками бросаться не будете? Ворчать в мою сторону тоже не советую!

Заметив, что Менгарец находится за огромным столом в гордом одиночестве, она с довольным видом уселась напротив. И уже было протянула руку к разложенным по столу металлическим деталям, как услышала строгий голос:

– У вас это, наверное, наследственное? Хвататься руками за первый попавшийся незнакомый предмет?

– О! Так это и есть те самые знаменитые мины, про которые мне сразу доложили?

– Они самые. И советую в их сторону даже не смотреть.

– Ха! А куда мне твоя святость прикажет смотреть?

– Куда хочешь...

– Ну тогда умоляю, скажи, как ты себя чувствуешь?

– Отлично! Честное слово, скорей даже превосходно. – Виктор покивал в знак подтверждения собственных слов. – Словно заново на свет родился. Вот, посмотри, даже пальцы на правой руке слушаются.

Он с гордостью протянул ладонь вперёд и несколько раз сжал и разжал пальцы.

– А ноги?

– Как меня убедили: угроза ампутации остаётся. Но! Я теперь целый месяц могу бегать даже лучше, быстрее, чем в те времена, когда был в твоём возрасте. Самому не верится!

– И мне, – Роза хитро улыбнулась. – Пока не пройдёшься передо мной – не поверю!

– Ладно тебе, чуть позже мы с тобой ещё наперегонки пробежимся. Только пока мне не мешай, видишь, я занят очень важной операцией.

Действительно, в окружении отвёрток и прочих инструментов, Виктор как раз полностью раскурочил корпус одной наиболее отлично сохранившейся мины и изучал внутреннее устройство. Ему хотелось во всей тонкостях разобраться в работе древнего артефакта. Да вот только принцесса не собиралась сидеть молча, довольствуясь ролью простой наблюдательницы:

– Но я ведь могу тебе помочь?

– Можешь, если просто перескажешь последовательность и суть состоявшегося приёма.

– Да, жаль, что тебя там не было!

– Так было интересно? Такие глобальные проблемы решались?

– Да нет, по протоколу – скукота ужасная. Но зато какими комплиментами меня осыпали послы! Тебе бы стоило у них поучиться. Герцог Вильямс прямо-таки соловьём заливался. А князь Селтери так вообще у моих ног на коленях ползал. А оба посла так раззадорились, что стали меня подарками одаривать, снимая с себя любое мало-мальски приличное украшение. По их словам – я самая прекрасная и великолепная женщина нашего мира.

Виктор замер с отвёрткой в руке и насупленно наблюдал за хвастающейся девушкой. А когда она замолчала, с хорошо слышимой досадой переспросил:

– Так и сказали?

– Ха! А ты сомневаешься в этом утверждении?

– Как можно, ваше высочество! Послы говорили истинную правду.

– Почему тогда ты мне эту правду не высказывал? – Глаза у Розы игриво блеснули, на щеках проступали ямочки, и Менгарец вдруг сильно смутился. Да настолько сильно, что покраснел и стал мямлить нечто невразумительное:

– Ну-у-у... зато я и не лгал. Да и вообще... зачем тебе всяких там послов слушать? Посмотрела бы в зеркало – и видишь всю правду...

Принцесса прекрасно рассмотрела всё смятение Монаха и теперь не сдерживала торжествующую улыбку. Если до эпохального сражения у неё ещё и были какие-то сомнения в собственных действиях, то теперь, после недавнего беспримерного подвига на дельтаплане, она с полной уверенностью считала прищельца своей собственностью. Потому что по внутренним убеждениям верила: её юношеская симпатия не только окрепла, но и переросла в сильную, всепоглощающую любовную привязанность. Теперь оставалось лишь грамотно подтолкнуть самого Виктора к ответным действиям, и как следствие, врождённые женские инстинкты, блестящий ум и чисто женское коварство диктовали девушке единственно верную предстоящую линию поведения.

Она догадывалась, что вполне легко может добиться ответных проявлений влюблённости, если сумеет правильно расставить в их отношениях приоритеты и разобьет глухой щит интимной скромности, которым всегда окружал себя Менгарец. Ведь за два с половиной года пребывания на этой планете он ни разу не познал женщины, ни разу не загорелся чувствами к какой-нибудь красавице, и уж тем более ни разу не воспользовался возможностью ни к чему не обязывающего одноразового флирта. А ведь в последнее время у него для этого была просто масса возможностей. Какие только придворные красавицы не пытались штурмовать крепость мужского целомудрия, какие только средства для этого не применяли! Но всё оказывалось напрасно. Пришелец ни на кого не повёлся. Ну а с принцессой вёл себя словно с младшей сестрёнкой, жёстко воздвигая грань между дружескими шутками, розыгрышами и хоть намёком на какой-то флирт со своей стороны.

По твёрдому мнению Розы, пора было кончать с подобными дружескими отношениями и переходить к более интимным. И настроилась она на это со всей решительностью гордой наследницы королевского рода.

– Действительно, зачем женщине комплименты, если ей достаточно глянуть в зеркало. Вот только зеркало не умеет порадовать ещё и голосом, – рассмеялась девушка. Но смех резко оборвался, и она вдруг стала совершенно серьёзной: – Кстати, ты рад своему чудесному спасению?

– М-м-м? – замер Менгарец. – Ну конечно...

– Почему тогда я так и не увидела никакой от тебя благодарности?

– Так ведь... это... я без сознания был.

– Ага! И шептал мне часами разные поручения и вопросы для папеньки! Зато своей спасительнице даже спасибо не сказал.

– Прости, я действительно мозгами, наверное, повредился... голове было очень больно, склероз прогрессирует, – пробормотал растерянный Виктор. Потом решительно выдохнул: – Спасибо тебе, Роза, за спасение. Ты самая великая покорительница небес, добрая, красивая, смелая и отважная! Да здравствует Розалия Великолепная, Милосердная Покорительница Небес. Спасибо!

– Не-е-ет! Так не пойдёт! – Принцесса сделала такое обиженное и несчастное лицо, что у Виктора сердце затрепетало. – Ты, наверное, надо мной издеваешься? Хочешь отделаться простыми словами?

– Да не только... я для тебя всё что угодно сделаю...

– Ну вот, совсем другой разговор! – Она подняла свой взгляд к потолку, словно там могла прочитать список тех услуг, которые мог оказать пришелец. – Тогда у меня к тебе всего лишь... четыре желания!

– Однако! – Глаза Монаха от удивления расширились. – Нет, я, конечно, готов, но почему так много?

– Хорошо, пусть будет только три, – легко согласилась принцесса, но при этом с угрозой наклонилась вперёд: – Вот только не стыдно тебе торговаться с моим высочеством? Да и вообще, не ты ли недавно распинался перед всеми придворными и моим отцом, что со своими подданными надо обходиться жёстко и безжалостно? Отвечай! Или уже забыл?

– Да нет, ваше высочество. – В обращении легко слышались язвительные нотки. – Не забыл. И даже где-то рад, что вы научились пользоваться своей властью, шантажом и угрозами.

– А кто виноват? Ты ведь сам на этом настаивал. Так что запоминай мои желания и сразу приступай к их выполнению по мере их поступления. Готов?

– Как скажете, ваше высочество, три – так три, – смиренно ответил Виктор, уже догадываясь, что каверзная принцесса готовит какую-то ловушку. Его недоверчивый взгляд только подстегнул девушку к более активным действиям. Она резко вскочила, обошла стол и встала рядом с пришельцем. При этом она строго выговаривала:

– Нет! Так не пойдёт! Мои желания ты должен выслушивать стоя и в таком положении, как мне хочется. Так, стой ровно! – Она сделала шаг к нему, он отступил, она ещё раз шагнула, а ему отступать было уже некуда, упёрся задом в стол. – Чего ты боишься? Я людей не ем! Итак, слушай моё первое желание!

Виктору ничего не оставалось, как покорно замереть и с будоражающим всё сознание восторгом вдыхать в себя запахи молодого девичьего тела и лёгкий аромат самых лучших благовоний. От такой близости в голове странно зашумело, а лёгкие стали работать с непонятными переборами. Поэтому он чисто машинально выполнил ещё одно указание:

– Но для начала положи мне руки на плечи! Хорошо... Ну а теперь – поцелуй меня!

Шок у замершего мужчины получился не так от произнесённого вслух желания, как от осознания, что он сейчас выполнит его с огромным удовольствием и страстью. Совсем не контролируя собственное тело, Виктор стал наклоняться к призывно приоткрытым губам. И только широко раскрытые, горящие неистовым огнём глаза принцессы его сбили с ритма, мысли и последовательности действий. Словно не своим языком, смущённый, он проговорил:

– Но как же так... я ведь такой страшный и опухший...

Роза отозвалась так быстро, словно заранее предвидела его сомнения:

– Не волнуйся, я закрою глаза!

И тут же крепко их зажмурила, продолжая при этом тянуться вверх на цыпочках. Но теперь уже Менгарец большей частью контролировал своё сознание. Чувствуя, как внутри трещат от усилий все кости, он слегка отстранил девушку от себя и тихо прошептал:

– Но так нельзя...

– Почему?! – Вместе с вопросом женские глаза резко распахнулись, и в них виднелось столько недоумения и боли, что он растерялся ещё больше:

– Ну, ты понимаешь... так получается, словно при насилии... ты ведь меня заставляешь...

– Я тебе не нравлюсь?

– Да нет, тут дело совсем в другом...

– Так объясни, в чём?! – Роза постепенно переходила на крик.

– Пойми правильно: ты ведь совсем ещё молодая девочка, а я старый, израненный мужчина, ну какие могут быть между нами поцелуи?

– Ты не старый... а раны зарастут... – Губы у неё задрожали.

– Всё равно наша разница в возрасте неприемлема для подобных отношений.

По щекам принцессы двумя ручьями покатились обильные слёзы. Она резко шагнула назад, сбрасывая мужские руки со своих плеч, а в её голосе зазвенел металл:

– Значит, так? Значит, именно так ты ко мне относишься?! И это после того, что я для тебя сделала? Ну что ж, значит, так мне и надо! Выходит, зря о тебе была другого мнения! Ой как зря!

– Ну зачем ты так? – Виктор чувствовал себя опять раздавленным, немощным, разбитым и... разочарованным. Причём разочарованным именно в своих действиях. Что-то он сделал не так, и всё теперь пошло наперекосяк.

– Как?! – воскликнула Роза, ещё больше удаляясь от него. – Тебе противна моя молодость? Ты отвергаешь мою красоту? И ты не питаешь в своём сердце даже капельки благодарности за мои усилия, риск и раны? Ха! Да кто ты после этого?!

Пришелец виновато опустил голову:

– Если бы я знал...

Но когда услышал быстро удаляющийся стук каблучков, резко вскинулся и в душевном волнении только и смог прохрипеть:

– Роза, постой! Давай поговорим!

Но девушка никак не отреагировала на эти слова. Перед выходом она остановилась, достала платочек и тщательно вытерла все следы слёз, потом выскочила из лаборатории и так за собой хлопнула дверью, что всё здание вздрогнуло, а кое-где по углам наверняка появились трещины.

А его святость, высший проповедник монастыря Менгары осторожно присел на стул и словно в трансе пробормотал:

– Ну и что я наделал?..

Глава восьмая

И море слёз

Гром Восьмой только отъехал от столицы королевства в сопровождении своего гвардейского воинства, как ему навстречу попался посыльный с севера. Воин скорей всего спешил с хорошими новостями, потому докладывал бойко, что с прорывающей на уста улыбкой:

– Ваше величество! Окружённые войска империи Сангремар готовы к капитуляции. Но они очень опасаются за судьбу прекрасных наложниц и поставили единственное условие – разоружение и пленение должно проходить только под вашим личным контролем.

– Ха! Какое совпадение! – засмеялся король, поворачиваясь к своим приближённым. – Я ведь как раз для этого в ту сторону и направляюсь.

– А если это ловушка? – высказался один из военных чинов.

– Вот мы на месте и разберёмся! – пообещал правитель Чагара. – Вперёд!

Конечно, в сопровождении целой тысячи таких отборных и великолепно вооружённых воинов монарху было нечего бояться. Да и животные для верховой езды подбирались под стать бравым гвардейцам, а под седлом у короля гарцевал самый красивый и выносливый скакун. Тысяча всадников продвигалась в неспешном, щадящем режиме и уже ближе к полуночи приблизилась к тому месту на побережье, куда идущая на прорыв волна имперцев отступила после столкновения с северной группой союзных войск. Первая отчаянная атака агрессоров захлебнулась в собственной крови, и оставшиеся в живых Львы, в количестве около пяти тысяч, теперь прочно засели в скальном образовании в глубине береговой зоны. Как раз в том самом месте, где, по странному совпадению, Менгарец выбрал место для строительства порта-крепости. Скалы отделялись от пролива широченной полоской пляжа и каменистого плато, поэтому любые попытки окружённых пробраться к воде пресекались на корню постоянными разбегами и мощно укреплёнными редутами. Остатки армии Гранлео всё равно не могли долго держаться в природной ловушке. Сразу выбивать их оттуда не было никакого смысла, потому что запасы питьевой воды у них всё равно бы закончились через два, максимум три дня. По данным предварительной разведки, колодцев там не было. Да и продуктов питания отступающие имперцы не могли захватить слишком много. Скорей всего именно по этим соображениям Львы Пустыни, а также их некоторые оставшиеся в строю генералы непобедимой армии и прислали сегодня после обеда парламентёров для переговоров. Желание сдаваться лично королю никого особо не удивило, да и не знали командиры Союза Побережья, что среди скал спрятались не просто какие-то простые наложницы с евнухами павшего императора, а невероятные, скорей всего самые великолепные красавицы этого мира. Поэтому осаждённым был дан ответ: ждать волеизъявления Грома Восьмого, а к самому монарху срочно отправили посыльного. Никто практически и не ожидал как самого короля, так и поспешности его появления. Но когда узнали, что он и так уже находился во встречном движении при передаче сообщения, сразу стали разжигать оговорённые с парламентариями костры.

Вскоре из скал появилось сразу несколько человек, неся над собой ярко горящие факелы и зелёные ветки – знак перемирия и переговоров. По их одежде и манере держаться сразу становилось понятно, что это не простые воины, а некто из придворных, а то и ближайшего окружения покойного императора. Вельможи безропотно перетерпели тщательный обыск и только после этого предстали перед усевшимся на походном троне победителем. Гром не собирался с ними долго беседовать:

– Почему не начинаете сдачу оружия?

– Извините, ваше величество, но мы должны были убедиться в вашем личном прибытии.

– С чего бы это? Мои генералы и сами бы сумели распределить пленных.

– Ваше величество, – масляным, но вполне рассудительным и убедительным голосом заговорил один из вельмож. – Осмелюсь заметить, что есть такие военные трофеи, которыми имеют право обладать только короли. Их подданные порой не имеют права даже взглянуть на завоёванную роскошь. Иначе помыслы их будут завистливы, мысли путаны, а поступки непредсказуемы. Понимать и владеть истинной красотой могут только великие и самые сильные люди нашего мира.

Высказанные сентенции полностью соответствовали тем мыслям, которые король совсем недавно поведал Менгарцу в личном разговоре. Но всё-таки следовало уточнить:

– Наверняка вы имеете в виду наложниц. Но тогда получается, что вы сами всё последнее время обладали непозволительной роскошью.

Теперь заговорил следующий вельможа, который скорей всего имел военную власть среди окружённых. Потому что говорил резко, отрывисто и по существу:

– Ваше величество! Всё это время наложницы находились под неусыпной опекой преданных им евнухов. Даже из нас никто не осмелился приближаться к их шатрам, а уж тем более заглянуть внутрь. В этом мы можем поклясться собственными жизнями. Да и допрос любого простого воина из числа наших подчинённых это подтвердит.

– Хорошо, допустим, с наложницами я разберусь. А вот что делать с вами?

– Всё в руках победителя! – чётко ответил военный. – И вы можете делать с нами всё что угодно: казнить, отправить на каторгу или привлечь для любой другой деятельности на благо вашего королевства. Нам всё равно. Потому что своё основное предназначение мы уже выполнили: сохранили самых прекрасных женщин для нашего мира. Хотя не стану скрывать: при особой милости с вашей стороны, если нам сохранят жизнь, мы готовы со всем усердием служить вашей королевской династии. Нашего императора больше нет в живых, а значит, мы можем принести новую присягу нашему новому сюзерену.

– Ну что ж, похвальное стремление, – покивал Гром Восьмой. – И я его рассмотрю со всем тщанием. Грамотные и опытные люди нужны каждому правителю и во все времена. Но вам не кажется, что пора начинать сдачу оружия?

– Конечно, ваше величество! Разрешите оповестить наших командиров?

– Хотите возвращаться все вместе?

– Нет, что вы! Достаточно будет любого из нас.

– Тогда вы и отправитесь! – Королевский перст указал на вельможу с воинской выправкой. Тот выпрямился как струна:

– Слушаюсь, ваше величество! Только разрешите один совет? – И после кивка продолжил: – Все наши воины будут выходить гуськом и складывать оружие, где укажете. Потом желательно отводить их в другое место и оставлять под надзором. Потому что никто из них не имеет права увидеть хоть одну наложницу. Затем с оставшимися сокровищами и украшениями выйдут и сдадутся евнухи, а самыми последними к вам явятся укрытые вуалями женщины. С того самого момента они переходят под вашу личную опеку.

– Да уж как-нибудь справлюсь, – буркнул король, взмахом руки отправляя парламентаря к его заседавшему среди скал войску. Когда тот ушёл, стал раздавать приказы своим гвардейцам: – Этих вельмож – в обоз. Остальных воинов пропустить по коридору, раздевать догола и тщательно обыскивать. Потом собирать в удобном для пленения месте, сразу начиная выборочные допросы. Приготовить повозки для наложниц. Постарайтесь создать хоть какие-то удобства из перин, подушек и одеял. Ну и... подбросьте в костры как можно больше дров! Хочется нормального освещения!

Интенсивная сдача и разоружение продолжались более двух часов. И только когда последний воин в сопровождении недавнего парламентария покинул территорию крутых скал, на свет костра стали выходить внушительные, увешанные самым различным оружием верзилы. Количество оказалось парным, сто десять человек, по двое на каждую наложницу. Почти каж-

дый из них волок или ларец, или шкатулку, наполненную драгоценностями, и складывал свою ношу на отдельное возвышение. Евнухов тоже лишали всего, что на них было, до последнего перстня или нитки, и голыми отводили в отдельное от остальных пленных место. Причём у короля вид мужчин отличного спортивного телосложения, но без каких бы то ни было гениталий вызвал вполне понятное отвращение и неприятие. Его ворчание расслышали не только ближе всех стоящие телохранители:

– Как можно доверять что-либо ценное таким уродам? – Затем громко добавил: – Этих вообще постарайтесь допросить в первую очередь, а часть как можно скорей под конвоем отправить в Радовену в распоряжение Монаха Менгарца. Уж он-то с них быстро все имперские тайны вытянет.

Напоследок из скал стали выходить закутанные с ног до макушки в лёгкие ткани наложницы. К тому времени на внушительной площадке остался только лишь король в окружении нескольких придворных, телохранителей и двух десятков лучших гвардейцев. Да на створе выхода выстроилось около десятка приданных к разведывательному полку женщин. Как бы и кто там ни рассказывал басни о великом, умопомрачительном и прекрасном, Гром Восьмой не расслабился и о собственной безопасности не забывал. Каждую наложницу тщательно обыскивали проворные женские руки, передавая по очереди друг другу, но ни у одной пленницы не обнаружили даже иголки или костяного гребня. А украшения наверняка с них сняли раньше ещё евнухи и вынесли в общей куче. Потом женские фигуры выстраивались чуть в стороне, ожидая своей дальнейшей участи. Создавалось впечатление их полной рабской покорности и смирения.

Тем более неожиданным оказался поступок одной из них. Когда на створе обыскивали последнюю парочку из её товарок, она опрометью метнулась в сторону походного трона с криками:

– Мой король! Спаси меня! Они хотят меня убить! Они меня задушат!

Стена остальных наложниц дрогнула, колыхнувшись следом за товаркой, но потом опять затихла в прежней окаменелости. Вполне понятно, что метнувшаяся вперёд женщина уже на половине пути уткнулась в доспехи телохранителей, которые просто перекрыли ей дорогу, сразу заметив, что в простёртых вперёд ладошках нет никакого оружия. Наложница упала наземь и забилась в громких рыданиях:

– Мой король! Они узнали, что я вам хочу рассказать все тайны Шулпы, и пригрозились меня прикончить! Они меня обязательно удавят этой ночью, заberi меня от них, о, мой король!

Слово «тайны» при этом имело немаловажное значение. Тем более что Грому уже давно не терпелось взглянуть хоть на какое-то личико прославляемых красавиц. Поэтому он призывно махнул рукой:

– Подведите её ко мне!

Два телохранителя ухватили наложницу под локти, буквально пронесли к походному трону и жёстко поставили перед ним на колени. При этом руки пленницы оставались в железных тисках, а сделать что-либо ногами из такой позиции и пытаться ей не стоило. Но теперь женский голос звучал с самыми призывными обертонами, переходя в интимный, сладострастный шёпот:

– Мой король! Я им говорила, что надо обязательно тебе рассказать про все тайны императорского дворца. Раз Гранлео погиб, то мы можем больше его не опасаться и стать полностью свободными. А эти запуганные глупышки сами ничем помочь не хотят, да ещё и меня пригрозили удушить. Хорошо, что им пару часов назад евнухи не дали совершить убийство. Спаси меня, король, спаси, и я буду тебе верна до самой последней минуты моей жизни.

– Успокойся, женщина, возле меня тебе ничего не грозит. – После этих слов он нагнулся, аккуратно взялся за края густой вуали и осторожно приподнял, заглядывая внутрь, словно через маленький тоннель. – Зачем же так плакать... всё будет хорошо...

И замер, поражённый открывшейся ему красотой. Поразительной, невероятной, трогательной и умопомрачительной красотой. Молодая девушка лет восемнадцати взирала на него залитыми слезами глазами с такой мольбой и отчаянием, надеждой и благоговением, смиренностью и кротостью, обещанием и вожделением, что сердце старого воина, мудрого политика и уравновешенного хозяина забилося, словно у глупого малолетнего мальчишки. Не в силах сдержать вдруг охватившее всё его тело возбуждение, Гром шумно сглотнул набежавшую слюну, тяжело задышал и с трудом разобрал донёсшийся до него шёпот:

– Спаси меня, и я готова стать твоей суженой. О, мой повелитель!

– Как тебя зовут?

– Маанита, твоя верная слуга...

Непослушные пальцы сами выпустили вуаль, и на какой-то момент монарх Чагара слегка вырвался из-под плена колдовского очарования. Но совсем избавляться от такого сладкого плена ему сознательно не хотелось даже под угрозой собственной и немедленной смерти.

Зато очередные приказы он раздал уже вполне уверенным, недрожащим голосом:

– Эту – оставить возле меня! Остальных – в повозки, и под особым конвоем отправить к моей матери в её личное распоряжение. Её величество – в курсе.

Когда вокруг все задвигались, а в скалы потянулся специальный отряд, намереваясь проверить, все ли имперцы сдались, Гром опять склонился к голове усевшейся возле его ног красавицы:

– И много тайн ты знаешь о дворце Гранлео в Шулпе?

– Все, мой благодетель! И я готова начать о них рассказывать немедленно.

– Хорошо, только давай вначале посетим мой шатёр и слегка поужинаем перед дальней дорогой. – Он хотел ещё раз, без всяких свидетелей или помех полюбоваться невероятной красотой Мааниты. – Ну а потом мы отправимся в мою столицу...

– Мой повелитель, я готова сопровождать тебя всюду, держась за твоё стремя!

Чувственный голос раздавался с таким жаром и вожделением, что никогда ранее не поддававшийся на подобную лесть монарх вздрогнул от приятных мечтаний:

– Зачем же так, тебе не пристало бегать. Поедешь на луке моего седла.

– Как прикажешь, мой король...

Короткое пребывание в шатре ещё больше околдовало и так до одури впечатлённого короля. Теперь он уже с нескрываемым восхищением рассмотрел точёную шею, нежнейшие золотистые локоны и окончательно влюбился до беспамятства во все детали божественного лика молодой пленницы.

Поэтому, когда они вновь вышли из шатра, он уже без всяких сомнений втянул красавицу на луку своего седла, ощутил, как она доверчиво и страстно к нему прильнула, и с рассеянной улыбкой дал команду трогаться в столицу.

Прибыл его величество в собственный дворец при свете наступившего дня, но так и не откликнулся на насущные проблемы, с которыми к нему приблизились как его придворные, так и военные генералы. Даже к матери не явился и про дочь не поинтересовался, а сразу же подался с Маанитой в свои палаты. Категорически приказав гвардейцам не пускать к нему никого и ждать только, когда он сам соизволит выйти из своих спален.

Самые важные государственные дела зависли в воздухе без должных решений и приказов. Зато по всему дворцу молниеносно пронёсся слух, что очень скоро в королевстве Чагар появится молодая и прекрасная королева. Слух этот достиг матери короля, его дочери и Монаха Менгарца чуть ли не в числе самых последних. Они как раз собрались в покоях у Линколы для обсуждения последних допросов, недавних подселений и для попыток принять правильное решение: что и как делать с наложницами после их осмотра.

И только они собрались за одним столом, как в комнату просочилась стелющейся тенью один из самых дотошных шпионов и прошептал на ухо своей покровительнице несколько длин-

ных фраз. Линкола сразу нахмурилась, а когда докладчик удалился, тяжело вздохнула, с некоторой нерешительностью взглянула на внучку, но всё-таки озвучила последнюю новость:

– Оказывается, мой сын не просто отдыхает после ночной поездки, а довольно интенсивно развлекается с одной из наложниц. Привёз её лично на своём коне, да так и отправился в обнимку в свои покои. Поговаривают, что оттуда слышатся сладострастные стоны и что вскоре в Чагаре появится новая королева.

Больше всего от услышанного почему-то смутился Виктор:

– Может, не надо было об этом при Розе?..

– Почему? – округлила глаза мать короля. – Она уже взрослая, и отныне в её жизни наступает совершенно иная пора: пора собственного величия и становления. К тому же она уже давно взрослая и прекрасно понимает, что раньше вытворял отец с разными придворными дамами в своих опочивальнях. Но если он делал это до нынешнего дня совершенно скрытно и не афишируя свои временные связи, то сейчас повёл себя словно потерявший голову юноша. Отчего, признаюсь, я очень обеспокоена. Ко всему, желаю, даже настаиваю, чтобы и вы как следует обеспокоились. Если верить показаниям евнухов, наложница Маанита, под пятидесятым номером, самая красивая и активная. Боюсь, что такая фурия может свести с ума любого мужчину.

– Если он позабудет о здравом рассудке, – назидательно поднял вверх указательный палец Монах.

– Какой рассудок может быть у самца при виде такого великолепия! – с некоторой грубой снисходительностью к собственному сыну воскликнула Линкола. – Да ты и сам видел всех остальных наложниц. Разве они тебя не пленили своими прелестями?

– Да уж! Но меня больше поразило, как они нагло старались это сделать. Видимо, сразу поняли, что я не последний человек в государстве, потому что соблазняли без всякого стыда и открыто, все вместе и каждая по отдельности.

– И им это удалось, – полувопросительно, полуутвердительно воскликнула Роза. Да и вообще, принцесса, как только узнала о новых обитательницах строго изолированного от всего мира дворцового крыла и об учинённом над ними допросе двумя близкими людьми, сразу отбросила свои обязанности и помчалась на беседу к бабушке. Поэтому сейчас она совершенно не стала скрывать самый интересующий её вопрос. Хотя взглядом с Виктором старалась не встречаться. Он попытался говорить мягко, но как можно убедительней:

– Хочу тебе сказать, что красота такого типа в наших мирах почти не имеет поклонников из-за своей искусственности, единообразия и набившего оскомину совершенства. В природе таких существ не бывает, и каждый нормальный мужчина это понимает, выработав в своих мозгах нечто наподобие действенных предохранителей. У нас их называют «куклами», и любой обыватель знает, что в таких прелестных женщин, как правило, с помощью медицины превращаются самые ущербные и уродливые особи женского пола. Да и среди мужчин есть нечто аналогичное. То есть все понимают, что родившийся от такой женщины ребёнок будет страшненьким и уродливым, что сразу же отталкивает от «куколок» подавляющее большинство населения. Следовательно...

– А у тебя есть этот самый предохранитель? – едко перебила принцесса.

– Как видишь, – Менгарец развёл руками. – Я здесь, и мой рассудок нисколько не пострадал. Так что мои так называемые предохранители...

– ...вообще сделаны из дуба! – с некоторой злостью воскликнула Роза, но сразу взяла себя в руки и демонстративно повернулась к бабушке: – Что тебе ещё удалось выяснить интересного у этих «кукол»?

– Мне кажется, Менгарец ещё не до конца довёл свою мысль, – стараясь скрыть понимающую улыбку, высказалась Линкола. – Хотелось бы полней понять все детали искусственного происхождения такой красоты.

– Да я как раз это и пытался объяснить. – Он постарался поймать взгляд Розы, но та продолжала специально смотреть в сторону. – Их неестественная красота лишней раз подтверждает наши прежние выводы и предположения: Гранлео имел у себя в Шулпе нечто особенное. И нам надо очень поспешить, чтобы нужные устройства и агрегаты захватить до их полного уничтожения неуправляемым сбродом. Причём там наверняка имеются не только медицинские аппараты по улучшению лица, но и комплексные системы для всего остального тела. Под кожей у наложниц нет ни капельки жира, а фигуры просто неправдоподобные для этого мира.

Теперь Роза смотрела на Монаха во все глаза:

– Так ты и тела их рассматривал?! Сволочь!

Могло показаться, что она сейчас вскочит и бросится на мужчину с кулаками. Благо что вовремя вмешалась опытная и уравновешенная бабушка. Её голос стал строгим и официальным:

– Ваше высочество! Следите за своим поведением! – Когда Роза немного сникла и потушила сердитый взгляд, продолжила: – По занимаемому его святостью положению он имеет право на рассмотрение тел кого угодно и особенно доставленных сюда пленниц. Занимался он этим не для разжигания похоти или получения низменного удовольствия, а для дела. Поэтому попрошу общаться без недостойных наследницы короны выражений. Продолжай, Виктор.

Менгарец пожал плечами:

– Да, собственно, я уже всё сказал. Остаётся только решить, что с ними делать, потому что мне кажется, эти «куклы» доставят нам хлопот выше головы. Слишком они образованные, обученные грамоте Сангремара, знают историю, географию, общаются на десяти основных языках вашего континента. Я, конечно, понимаю, что языки империи и Чагара имеют сходные корни и очень похожи, но красавицы говорят на местном языке без всякого акцента. Их адаптация, приспособляемость к любым условиям – поражает! Вот посмотрите, как быстро оказалась при нужном теле «пятидесятая». Причём при теле не какого-нибудь воина или, скажем, генерала, а самого короля.

Теперь пожала плечами Линкола:

– Если смотреть на это всё чисто с житейской точки зрения, то ничего страшного пока не произошло. Хотя такое быстрое «приручение» первого человека в государстве тоже должно настораживать. Но что ты предлагаешь с ними сделать?

– Теперь, когда они во дворце, – не знаю, – Виктор тяжело вздохнул. – Как по мне, то лучше бы наложниц уничтожил водяной вал или умертвили при изнасиловании обозлённые солдаты.

– Какой ты жестокий, однако! – воскликнула Роза. – Чем же они тебе так не угодили? Или, может, ты злишься, что тебе они не достанутся?

– Ха! Во-первых: я не злюсь, а просто очень беспокоюсь из-за того, что не могу понять, где тут скрывается главная опасность. А в том, что эта опасность существует, я уверен совершенно. Ну не бывает такого, по всем галактическим понятиям не бывает. Слишком уж много тайн окружает покойного Гранлео, и эта – одна из самых странных и загадочных. А во-вторых: ты сама должна прекрасно понимать, что мне твой отец запросто отдаст любую из этих наложниц в личное пользование. Если не... две, три или целый десяток.

Лучше бы он этого не говорил.

– Кажется, твои предохранители сейчас треснут вместе с твоей глупой башкой! – угрожающе зашипела девушка, протягивая руку к тяжёлому кувшину с соком.

Опять пришлось вмешиваться Линколе:

– Ох! И как же я от всего этого устала! Да ещё и ты, внученька, меня в могилу хочешь свести преждевременно. И не смотри на меня так! Хочешь пить сок, так пей его! Но только не надо делать вид, что ты собралась залпом выпить весь кувшин! Что у тебя за манеры? Видимо, прав отец: придётся тебя срочно выдавать замуж за какого-нибудь соседнего принца.

– Меня?! – так и взвилась Розалия, перенеся всю свою горячность на любимую бабушку. – Ничего у вас не получится! И вы с отцом уже давно, между прочим, согласились, что замуж я пойду только по собственному выбору. Вот так!

– Тогда води себя на совещании, как и положено государственному человеку. Поставлен вопрос: что делать с наложницами? Какое твоё предложение?

– Подсыпать всем «куклам» яду! – выпалила девушка и строго уставилась на Виктора, но тот в ответ только радостно засмеялся:

– Полностью присоединяюсь к мнению её высочества. Самый лучший выход из щекотливого положения. Как говорил кто-то из древних: нет человека – нет проблем!

– Странные у вас были предки. Довольно кардинально решали любые вопросы, – пробормотала мать короля. Затем тяжело вздохнула и покачала головой: – Боюсь, что Гром не оценит наших жертв на благо отечества. Тем более что «пятидесятая» и так уже находится под его плотной опекой. Вряд ли он так быстро отпустит свою новую игрушку.

– Если ОНА окажется у него игрушкой, то это не страшно, – стал рассуждать Монах Менгарец. – Трагедия наверняка случится, если ОН станет игрушкой в её руках. По этому поводу следует заранее обсудить самые разнообразные варианты будущих событий. И желательно сделать это немедленно.

Линкола согласно кивнула и перевела многозначительный взгляд на свою внучку:

– Ты уже взрослая и допущена к управлению государством. Но готова ли ты действовать рассудительно, с циничной холодностью и ярым бесстрашием, когда придётся совершать поступки, не всегда приемлемые твоим воспитанием?

– Я справлюсь, ваше величество! Интересы Чагара теперь для меня станут наивысшим приоритетом. – И как бы подтверждая только что сказанное, надменно повернулась к Виктору и сказала: – Извините, ваша святость, я была по отношению к вам не права. Обещаю впредь вести себя корректно и без оскорблений.

– Ну зачем так официально? – занервничал Менгарец. – Мы ведь не на площади перед скоплением народа.

Девушка выдавила у себя на лице подобие улыбки:

– Извини, Виктор. Я больше так не буду. Впредь постараюсь... в тебя кувшинами не бросаться. Особенно когда ты такой поцарапанный и опухший. Так устраивает?

– О-о! Вполне! Жизнь становится лёгкой и понятной. Теперь для целостности собственной головы мне достаточно не залечивать старые царапины и не убирать опухоль. Не жизнь, а сказка!

Он первым радостно рассмеялся, несколько разрядив напряжённую атмосферу совещания. У принцессы на щеках тоже заиграли ямочки, а мать короля многозначительно вздохнула и подумала:

«Надо будет до отъезда обязательно переговорить с каждым из них по отдельности. А то я вижу, что Розочка собирается оседлать дикого скакуна, не накинув на него ни седла, ни уздечки. Да и самого скакуна вначале ещё подковать не помешает на все четыре конечности. Да и на пятаю – тоже...»

Вслух же опытная владычица сказала:

– Хорошо. Помирились, посмеялись, а теперь за дело. Давайте сразу рассмотрим наши действия в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Три головы склонились друг к другу и перешли на заговорщицкий шёпот.

Тогда как в то же время насытившаяся страстными любовными играми парочка разлеглась для отдыха на широкой королевской кровати. Гром с некоторой ленцой рассказывал о своих самых бесшабашных поступках в юности, а счастливая Маанита смеялась над старыми шутками и розыгрышами так наивно, весело и заразительно, что и сам король непроизвольно

развеселился. Причём по радостным слезинкам в глазах у прекрасной девушки он замечал, что она нисколько не притворяется, ей действительно радостно, вольготно и приятно. Да и те движения, с которыми она нежно и трепетно прикасалась к его телу, могли вскружить голову любому мужчине.

Правда, время от времени король Чагара вспоминал о предстоящих ещё сегодня делах и переводил разговор на нужную тему:

– Что у вас там, в Шулле, самое таинственное и ценное?

– О! Да там хватает таких мест. И я тебе их все покажу. В одни из них Гранлео нас заводил с завязанными глазами, в другие имел право входить только он, о некоторых я догадываюсь и могу показать их примерное расположение. Мало того, мне удалось подсмотреть, каким образом покойный император вскрывает тайные комнаты и где находятся некоторые рычаги управления передвижными стенами. А внутри столько сокровищ и таинственных устройств! Они все из блестящего железа, но некоторое железо тёплое, как дерево. Одно только меня беспокоит, чтобы оставшиеся в столице Сангремара людишки не узнали о гибели императора преждевременно и не бросились на разграбление дворца. Когда ты собираешься выступить?

– Скорей всего уже завтра...

– Какое дальновидное и правильное решение, о мой повелитель! Наверняка тебе удастся захватить всю столицу с наскока. Это ты просто здорово придумал, они совершенно ещё не ждут твоего нападения.

Такая неприкрытая лесть прошла даже сквозь щиты сексуального удовлетворения и заставила Грома слегка напрячься:

«Вообще-то план немедленного нападения принадлежит Монаху, но ни к чему мне сейчас вдаваться в излишние пояснения. А вот интересно, как она сама к нему относится?»

Словно подслушав его мысли, Маанита спросила:

– А где твой Монах Менгарец? Поговаривают, он самый великий и прославленный воин в твоём войске. Да и на поединок он Гранлео вызывал не зря: теперь императора нет, а мне посчастливилось встретиться с тобой. Кстати, а какую награду ты приготовил для его святости, высшего проповедника монастыря Менгары?

– Хм! Откуда ты про него всё знаешь?

– Да мы только и прислушивались ко всем разговорам на эту тему, мечтали как можно скорей освободиться от проклятого диктатора. Зато теперь я такая счастливая... Надеюсь, ты подаришь одну из наложниц своему Менгарцу? А то и две? Ведь наверняка он заслужил такой подарок с твоей стороны?

– Ну да, заслужил. – Король вспомнил о сапогах и кожаной курточке пришельца, заполненных желе гарбены, и стал приподниматься на кровати: – Только ему сейчас не до этого. Пора готовиться в поход.

– А потом?

– Потом видно будет... Одевайся, я сегодня же хочу представить тебя своим придворным. – Гром с предвкушением улыбнулся. – Пусть немного позавидуют!

Глава девятая

Спешные сборы

Пока король Чагара на севере принимал капитуляцию, на юге оставшиеся в конном строю рыцари и в самом деле попытались прорваться через речные броды. Внушительные потоки воды к тому времени спали и вернулись к нормальному уровню. Но благодаря предвидению Менгарца, ничего у врага со свирепой, отчаянной атакой не получилось. Установленные на перспективных направлениях заграждения оказались очень кстати, и преодолеть их бронированной кавалерии так и не удалось. Первая, самая стремительная и, как ожидали имперцы, неожиданная атака напоролась на непреодолимые рубежи, всадники понесли досадные для них потери и по единому сигналу вновь отступили на юг. Видимо, командующий рыцарями не решился прорываться любой ценой, неся при этом огромные потери.

На месте скоротечного сражения осталось более двух десятков закованных в железо тел, и среди них люди генерала Тербона отыскивали несколько раненых. Парочка из них остались даже во вполне вменяемом состоянии, годном для интенсивного допроса. Их доставили в Радовену чуть позже прибытия туда Грома Восьмого, и сам генерал проследил за ведущимися допросами. Пленники оказались крепкими орешками, гордым молчанием реагируя на любые вопросы, запугивания или угрозы применения пыток. При всём уважении к такой стойкости духа своих коллег Тербон просто не имел права деликатничать с недавними врагами, но всё-таки перед тем, как отдать рыцарей в руки пыточных дел мастера, решил в последний раз попытаться разговорить пленников с помощью простой логики:

– Как ни прискорбно, но больше с вами мирно беседовать не будут. Вы пришли на нашу землю с оружием не для рыцарского турнира, где слово чести превыше всего, вы пришли к нам как завоеватели и убийцы. Поэтому и отношение к вам соответствующее. Раз не хотите просто отвечать на вопросы, будете выговаривать нужные нам ответы порванным языком сквозь выбитые зубы. Только вот напоследок хочу вам задать лишь несколько вопросов как воин воинам. Причём это не будет касаться ни ваших тайн, ни секретов вашего происхождения.

Генерал встал и как бы в раздумье прошёлся по подвалу, нисколько не обращая внимания на упрямое молчание. И только потом начал спрашивать:

– Ведь уже знаете, что Гранлео погиб?

– Нам о его смерти ничего не известно, – наконец-то разжал губы один из рыцарей.

– Когда вас везли сюда, вы наверняка заметили горы трупов, которые тысячами продолжают выгребать из осколков плотины, обломков осадных башен и толстого слоя наносного грунта. Волна перемолола всё и всех. А ваш император находился возле самой плотины и попал под удар самым первым. Скорей всего от него остались только неузнаваемые куски мяса, как и от доброй трети его армии.

Второй рыцарь сделал попытку улыбнуться:

– Насколько я понял, ваш Монах Менгарец остался жив?

– Да. Его в самый последний момент подхватила в воздух огромная птица, наподобие гигантского орла катарги.

– Ну вот, раз он спасся, то и император Гранлео тоже мог спастись.

– Все видели, как его накрыла волна...

– Это ещё ничего не значит! – с нескрываемой злостью заговорил рыцарь. – Мы все прекрасно знаем, что Гранлео бессмертен. Поэтому, пока мы не увидим его опознанный труп, наша присяга остаётся в силе. И никто никогда не сможет обвинить керрангов в нарушении присяги!

Тербон удивлённо пожал плечами:

– Первый раз слышу о каких-то керрангах. Вас отбирают из числа этих вонючих Львов Пустыни? Или из рабов?

Оба рыцаря воскликнули почти синхронно:

– Керранги не бывают рабами!

– Как же не бывают? А сейчас вы кто? Самые настоящие рабы! А когда поработаете на карьерах пару месяцев, то ещё и не то запоёте.

– Нет, рабами мы не станем! Лучше смерть!

– Ага, значит, вы так рабски любите своего императора, что готовы даже после его смерти погибнуть под пытками?

– Присяга – превыше всего! – выкрикнул один из рыцарей, и, судя по плотно сжатым губам обоих, они решили молчать до самого конца.

– Ладно, – тяжело вздохнул генерал. – Как воин я уважаю ваши принципы. Но как патриот своего королевства и командир своих солдат, я обязан знать о врагах всё. Поэтому ухожу, а вы остаётесь в руках палачей. Прощайте!

Он ещё немного постоял, надеясь, что рыцари одумаются, потом пожал плечами и вышел. Через некоторое время в подвал вошло сразу четыре дознавателя в окровавленных фартуках, и один из них деловито приказал своим коллегам:

– Вы двое, тащите вот этого в другой подвал. Не люблю, когда посторонние крики мешают выслушивать тихие ответы сквозь бульканье крови.

Рыцари только и успели переглянуться между собой и с содроганием попрощаться многочисленными кивками. На голову каждому накинули ужасно воняющую тряпку, и они стали дергаться в удушающих конвульсиях.

Выйдя из подвала, Тербон довольно скоро узнал все последние новости и выяснил, кто из власть имущих где находится. Раздумывать долго не приходилось: беспокоить короля, вырывая его из наверняка жарких объятий новой любовницы, явно не стоило. Поэтому преданный династии вояка поспешил в покои вдовствующей королевы. И явился как раз вовремя: совещательное трио поднималось из-за стола, собираясь разойтись для решения текущих дел.

– Как я вовремя! – воскликнул генерал, входя в комнату. – Можете ещё и мне уделить несколько минут?

После жеста Линколы все расселись опять за столом, и она спросила:

– Что-то новенькое?

– Скорей всего. Ты оказался прав. – Он посмотрел на Менгарца, замечая у того явные улучшения во всей фигуре, и довольно улыбнулся. – Кавалерийский резерв и в самом деле этой ночью попытался прорваться, но после первых потерь сразу же отступил. Зато двадцать восемь рыцарских тел так и остались валяться на земле. Трое в тяжёлом состоянии, а вот парочку вполне пригодных для допроса рыцарей я привёз в Радовену. Оказывается, у них определённый кодекс чести, и они ни при каких угрозах или попытке применения силы не станут изменять данной императору присяге.

– Так вед Гранлео уже пошёл на удобрение долины Покоя! – воскликнула Роза.

– Вот и я им так сказал. Но они утверждают, что пока опознаваемое тело не будет им представлено, клятва верности остаётся в силе. Фанатики! Называют себя керрангами. Пришлось отправить к ним четырёх дознавателей...

– Зря, – скривился Виктор. – Во-первых, нам о них уже почти всё известно, а во вторых, они ведь всё-таки военнопленные, рыцари.

– Да ладно тебе, – продолжал ухмыляться Тербон. – Неужели ты меня и в самом деле за садиста принимаешь? Но и так просто делать поблажки этим рыцарям не стоит. Дознаватели

знают своё дело: они накрыли головы пленников тряпками с соком гайчени. Пусть хоть немного помучаются из-за своей гордыни.

Все трое слушателей понимающе кивнули. Когда кто-то вдыхал едкий запах, который выделялся соком ядовитых грибов гайчени, то на несколько часов впадал в горячечный сон с кошмарами и неприятными галлюцинациями. Да и потом очень плохо соображал, почти не помнил происшедшее с ним накануне, ощущал сильную ломоту в костях и суставах, приступы мигрени и впадал в то самое состояние, которое бывает после жутчайшего перепоя. Гриб гайчени, вернее его сок, использовался очень редко, и, как правило, в случаях, когда допрашиваемого требовалось сломить морально, но не нанести при этом физических ранений. Особенно подобное средство эффективно действовало на тех людей, кто не знал, что это такое и как надо с ним бороться.

– Но откуда у вас сведения о керрангах? И как это я пропустил такие данные?

– Тебя просто не было, – поведала мать короля. – А нам постоянно подносят последние отчёты прямо сюда. Да и то об этих рыцарях удалось составить целостную картину совсем недавно.

– Гвардейская элита императора? – попытался угадать генерал.

– Отнюдь! – возразил Менгарец. – Керранги – независимое и гордое княжество, расположенное на восточной оконечности Шлема. Конечно, княжество имеет скорей автономию, потому что всё-таки признаёт над собой власть империи Сангремар и в случае войны обязано выставить в поход войско из трёх тысяч рыцарей. Об этом территориальном анклавом даже сами Львы Пустыни знают ничтожно мало, потому что им даже приближаться к княжеству запрещено под угрозой немедленной смерти. Основные сведения мы получили от евнухов и наложниц, те всё-таки намного более вхожи в круг придворных, которые и распространяют слухи. По ним получается, что в Керранги живут очень обособленно, подчиняются только Гранлео и своим пожизненным долгом считают охрану какой-то своей национальной святыни. Сам император раз в год совершает к этой святыне так называемое паломничество и проводит возле неё одну неделю. Причём посещает княжество в гордом одиночестве, без всякой охраны, наложниц или воинского сопровождения. Как правило, весь двор императора на то время остаётся в приграничном городке и там две недели отдыхает, поджидая своего диктатора.

– Хм! Получается, что эти керранги – самые преданные и лояльные слуги Гранлео? – удивился Тербон. – Но так не бывает, какой им смысл оставаться чьей-то автономией, если, убив диктатора, который в одиночку не представляет большой силы, они однозначно бы получили независимость.

– Нам тоже это кажется очень и очень странным, – пожал Менгарец плечами. – Не хватало только, чтобы всё самое ценное для себя покойный император хранил именно там. Ведь в таком случае придётся за этими тайнами переться через весь Шлем.

– Но разве в Шулпе ничего нет?

Роза протянула ему с десяток исписанных листков:

– Есть, генерал, да столько, что не верится! Там показания не только евнухов и наложниц, но и более высшей знати, которую успели допросить сегодня. И как видишь, они практически дублируют и подтверждают показания друг друга.

Пока преданный вояка бегло просматривал листки, Монах Менгарец с сожалением кивнул несколько раз:

– Но всё равно, по поводу княжества придётся узнавать и выпытывать всё до последней детали. Так что надо постараться раскрутить рыцарей, пока они будут под воздействием гайчени. Иначе, если не склоним к добровольному сотрудничеству, придётся применить самые крайние методы.

– Ты ведь говорил...

– И сейчас говорю. Но вот простые разговоры и о чести, и о верности – это одно, а жизненная необходимость – совсем другое.

После этих слов Виктора все трое посмотрели на него не только с удивлением. Тербон явно с укором. Роза с каким-то внутренним и тщательно скрываемым страхом. А мать короля с уважением и пониманием. На некоторое время воцарилось неприятное молчание, которое оборвала вскочившая на ноги принцесса:

– У меня ведь ещё столько дел перед отъездом! Я больше не нужна? Без меня справитесь? Тогда убегаю.

И она действительно чуть ли не бегом покинула личные апартаменты своей бабушки. Все трое, глядя в спину красавицы, вздохнули с разной степенью тяжести и по разным мотивам, но всё-таки остались за столом, вопросительно переглядываясь. Тербон спросил первым:

– А какие ещё подробности стали известны о самих наложницах?

– Ну, их красота тебя не заинтересует, – уверенно изрёк Виктор, – потому что ты примерный семьянин и верный муж. А вот их развратность тебя наверняка удивит. По их же смелым признаниям, покойный Гранлео брал на каждую ночь сразу по три, а то и пять наложниц и довольно интенсивно их обслуживал как мужчина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.